

«Детское чтение для сердца и разума»

Н. М. Карамзин

РОМАН-ГАЗЕТА

9

2016 (207)

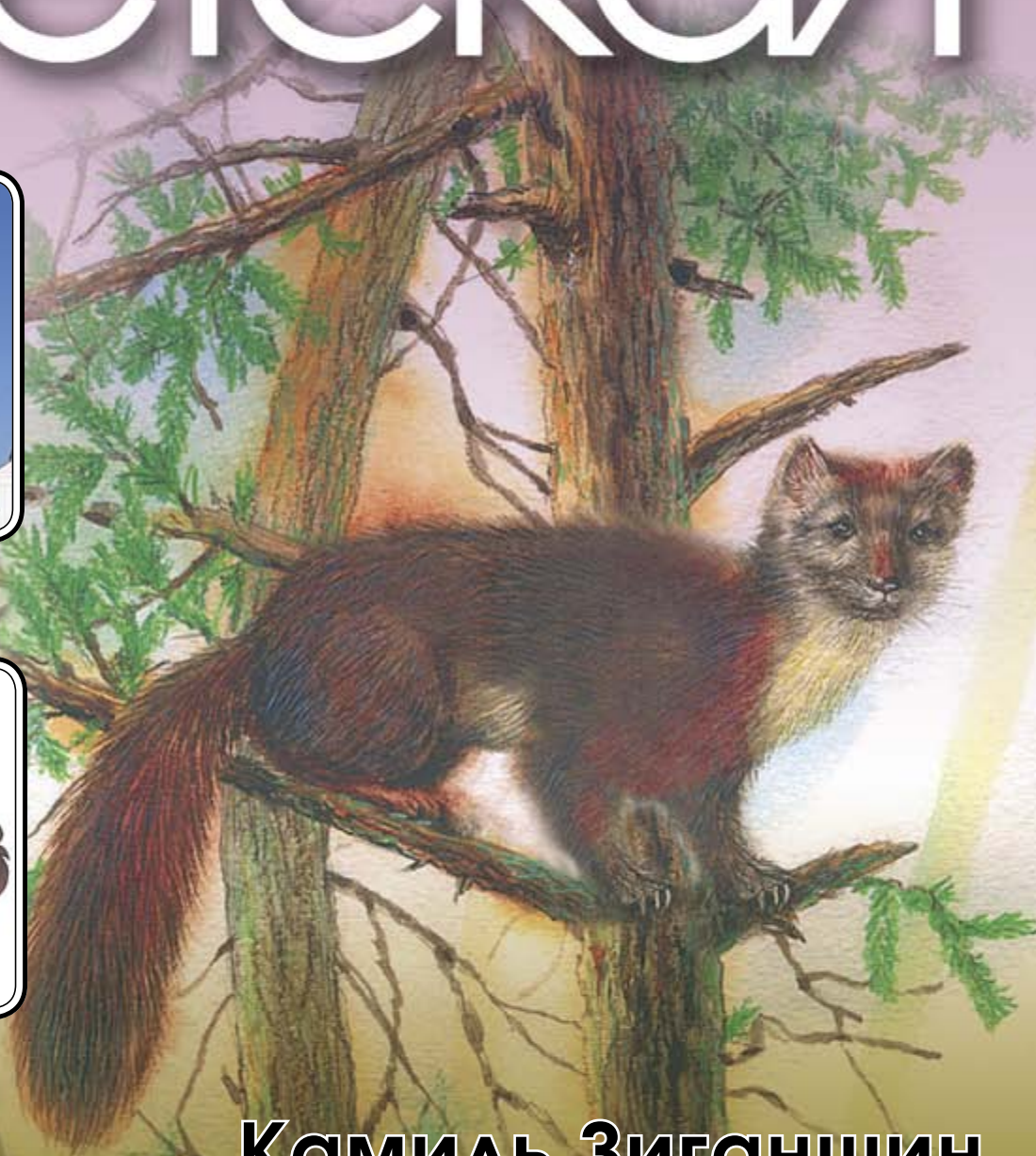
6+

УГОЛОК РОССИИ:
Вязици

РАССКАЗЫ:
Клякса

Камиль Зиганшин

Маха, или История жизни кунитчки

ISSN 1684-0895

9 771684 089001 >

Художник Ю. Устинова

Агния Барто

ЗВОНКИ

Я Володины отметки
Узнаю без дневника.
Если брат приходит
С тройкой,
Раздаётся три звонка.

Если вдруг у нас
В квартире
Начинается трезвон —
Значит, пять
Или четыре
Получил сегодня он.

Если он приходит
С двойкой —
Слышу я издалека:
Раздаётся два коротких,
Нерешительных
Звонка.

Ну, а если
Единица,
Он тихонько
В дверь стучится.

Т. Маврина
Стекланный пруд
1964 г.

В номере:

3

Камиль Зиганшин

Маха, или История жизни куночки

17

РУССКИЙ МУЗЕУМ

Всеволод Мамонтов

«Из воспоминаний о русских художниках»

Валентин Серов

21

ЖИВОЙ УГОЛОК

Виталий Бианки

Из книги «Синичкин календарь». Сентябрь

22

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ

Валерий Модестов

Песня, покорившая мир

25

РАССКАЗЫ

Николай Носов

Клякса

27

ДРАМКРУЖОК

Геннадий Киселёв

Чудеса по расписанию

29

ИЗ БАБУШКИНОГО СУНДУКА

Тобольская резная кость

30

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ

Сергей Глядков

Космос: последние известия

32

ЖИВОЙ УГОЛОК

Виктор Кудинов

Как куры спят

34

УГОЛОК РОССИИ

Сергей Иванов

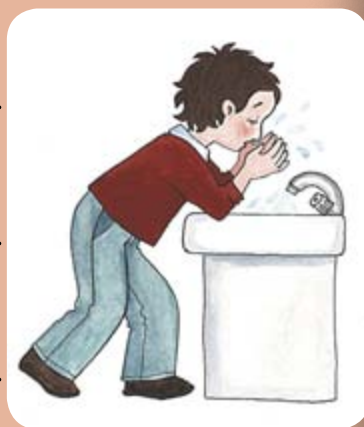
Вяжищи

36

ИГРОТЕКА

36

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Главный редактор
Юрий Козлов

Зам. главного редактора
Екатерина Рощина

Художественное
редактирование
Татьяна Погудина

Генеральный директор
Елена Шевцова

Компьютерная вёрстка
и цветоделение
Александр Муравенко

Главный бухгалтер
Людмила Дьячкова

Зав. распространением
Ирина Бродянская

Журнал для детей среднего
школьного возраста

Выходит один раз в месяц

С 1996 года рекомендован
Министерством общего
и профессионального
образования РФ
для внеклассного чтения

Подписные индексы издания:
в каталоге агентства «**Роспечать**»
72766 на полугодие, **71899** на год;
в объединённом каталоге
«**Пресса России**»
38916 на полугодие;
в электронном каталоге
«**Почта России**»
П1654 на полугодие

Учредитель: ООО «Роман-газета»
Адрес редакции: 107078, Москва,
ул. Новая Басманная, 19.
Тел.: 8 (499) 261-84-61
Факс: 8 (499) 261-49-29
E-mail: roman-gazeta-1927@yandex.ru
Основан в 1995 г.

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.
Свидетельство о регистрации
№ 01384 от 27 июня 1995 г.

Отпечатано
в ОАО «Первая Образцовая
типография»
Филиал «Чеховский
Печатный Двор»
(142300, Московская обл., г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д. 1)
Факс: 8 (496) 726-54-10,
Тел. 8 (495) 988-63-87

Многоканальный телефон отдела
продаж услуг: 8 (499) 270-73-59
Сайт: www.chpd.ru
e-mail: sales@chpd.ru

Тираж 2000 экз.

В розницу цена свободная
Заказ № 3579

© «Роман-газета», 2016 г.

Выпуск издания осуществлён
при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям
Авторов материалов,
использованных в этом номере,
просим обращаться в редакцию

Художник С. Билалова

Маха, или История жизни кунички

В глубоком, просторном дупле было сухо, сумрачно. На дне мягко пружинила подстилка из длинных прядей лишайника.

Четверо ещё слепых щенят куницы, покрытых коротким младенческим пухом, лежали плотным клубком и беспечно посапывали. Время от времени один из малышей сонно, с трудом удерживая большую голову, потягивался и, бесцеремонно расталкивая остальных, жадно тыкался мордочкой в набухший молоком сосок. Остальные, словно по команде, поднимали дружную возню и следовали его примеру.

Накормив несмышленишей, куница осторожно вставала и выскальзывала наружу. Подкрепившись первой попавшейся дичью и полакав студеной ключевой воды, она без задержки возвращалась в дупло. Ненасытное потомство взволнованно сопело, попискивая тянулось к матери и успокаивалось, блаженно почмокивая.

Кунята росли быстро. Нежные шубки день за днём густели. На головках потешно затопорщились треугольные ушки. Вскоре прорезались чёрные глазёнки, и несмышлениши всё чаще с любопытством поглядывали на смутно белеющий вверху лаз. Через него врывались незнакомые будоражащие запахи, доносился невнятный шум тайги.

Самая маленькая, но в то же время и самая подвижная кроха — Маха — уже не единожды пыталась дотянуться до кромки лаза, чтобы хоть глянуть в таинственно шумящее окошко, однако всякий раз бдительная мать сердито уркала на любопытную дочь и стягивала её вниз.

В дупле становилось тесно. Наконец настал день, когда куница сама вывела малы-

шей в огромный, многоцветный, многоголосый мир, поощряя голосом смелых и подталкивая лапой робевших. Судорожно цепляясь слабыми коготками за выступы ребристой коры, жмурясь от слепящего света, щенята потихоньку спустились на землю. С интересом огляделись и обступили мать, трепавшую хохлатого рябчика, пойманного ею заранее.

Куница отгрызла петушку голову и легонько подтолкнула её к малышам. Те, давя друг друга, в ужасе отпрянули, но когда невольный испуг прошёл, первой, боязливо переступая и вытягивая шею, приблизилась к аппетитно пахнущему комочку Маха. Обойдя его кругом, малышка сначала осторожно потрогала, а затем поддела петушину голову лапкой. Она покатила с бугорка в траву, и кунята дружно кинулись за «убегавшей» добычей.

Один за другим мелькали дни беззаботных игр и безмятежного сна под надзором матери. Спускаясь на землю, покрытую толстым слоем хвои, шалуны часами изображали охотников.

Гоняясь друг за другом, они проворно карабкались на деревья, скаля острые зубки, устрашающе уркали на «врага» и, шлепнувшись вниз, затаивались в траве. Затем, пластаясь по земле, выслеживали «дичь», мгновенно вскидывались и опрокидывали её на спину ударом передних лап. Яростно кусались, не причиняя, однако, друг другу боли.

Маха уже не ощущала слабости в лапах. Приобрела быстроту и точность движений. Несмотря на изящное и, казалось, хрупкое телосложение, она была заводилой всех потешных потасовок и достойно отбивалась от более рослых братьев.

Убегая в пылу игры всё дальше и дальше, кунята изучали окрестности. Скоро они уяснили, что мелкие, но голосистые птахи, шустрые бурундуки, доверчивые рябчики, проныры-мыши не опасны. Мать часто ловила эту живность и приносила подросткам для охотничьих забав.

Непоседе Махе, первой побывавшей на окраине просторного, светлого бора, не терпелось узнать, что скрывается в непролазных зарослях черёмухи, но она не решалась покинуть обжитые пределы.

Однажды, на исходе теплого, тихого дня, когда мать ушла на охоту, Маха все же набралась смелости и шагнула в таинственную чащу.

Там, в глубине тенистого царства, куничка услышала глухой шум. Сквозь ветви блеснул упругий поток, падавший с двухметрового уступа. Кипевшая в каменном котле вода гоняла крутые буруны, закручивала глубокие подвижные воронки. Солнце дробилось в этой кипени тысячами лучистых зайчиков.

Ниже по течению ручей стихал, раздавался вширь и спокойно струился мимо живописных заводей. На зеркальной глади мигали круги от жирующей рыбы, царственно колыхались листья стрелолиста,

плавали утки, лихо скользили между хлопьев пышной пены водомерки. В тёплой воде песчаных отмелей сновали стайки мальков. По противоположному берегу суетливо перебегали с места на место длинноносые кулички. Маленькая путешественница заворуженно разглядывала вновь открывшийся мир, как вдруг неведомое прежде чувство предупредило её об опасности. Обернувшись, она увидела злые колючие глаза незнакомого ей зверя.

Это была норка. Прежде чем вывести на прогулку своё потомство, она выбралась из подземного убежища на разведку. Глядя в упор на Маху, норка с воинственным стрекотом бросилась к ней. Бедная куничка попятилась, затравленно огляделась — куда деваться? Позади вода, а впереди — ощерившийся враг. Резко оттолкнувшись от гальки, Маха в невообразимом прыжке перелетела через голову окаменевшей от неожиданности норки и скрылась в спасительных зарослях...

Как-то утром обитателей соснового бора, погружённого в лёгкий туман, разбудила не птичья разноголосица, а громкие, грубые голоса. Встревоженная куница-мать выглянула: к их жилищу приближались двуногие существа с котомками за спинами, связками ремней и верёвок на плечах. Шествие возглавлял лопухий пёс.

Бортники-башкиры, а это были именно они, шли к давно намеченной сосне делать борть для нового роя диких пчёл. Подойдя к дереву, один из них начал привычно подниматься по толстому стволу, ловко вскидывая вверх кожаный пояс, жёсткой полудугой охватывавший золотисто-рыжую колонну. Люди то и дело переговаривались, смеялись.

Куница, чувствуя беду, припала к подстилке. Настороженно, до боли в ушах вслушивалась она в нарастающий шум. Волнение матери передалось малышам. Они притихли и сбились в кучу.

Поднимаясь, бортник то и дело простукивал ствол обухом топора. Сильные гулкие удары заставляли зверьков сжиматься от страха. Охристая древесная пыль слетала со стенок дупла и нестерпимо щекотала нежные ноздри.

В это время верхолаз обнаружил дупло. Он засунул в него руку и, коснувшись мягкого пуха, непроизвольно отдернул её, но было поздно. Как ни велик был страх куницы перед человеком, великий инстинкт материнства оказался сильнее — сделав мол-

ниеносный выпад, она вонзила две пары острых, словно шило, клыков в оттопыренный палец врага.

От боли и неожиданности человек вскрикнул, выдернул руку с вцепившейся куницей, стряхнул её резким, энергичным взмахом, и та полетела вниз, прямо в лапы подскочившей собаки.

Грудастый кобель прижал её к земле, пастью схватил поперек тела и, прежде чем прозвучал запоздалый окрик хозяина, прокусил затылок.

Бортник отнял у пса обмякшего зверька. Обдувая ещё редкий летний мех, он с сожалением оглядел понапрасну загубленную лесную красавицу. Досадливо покряхтел и спрятал случайный трофей в котомку.

Тем временем его напарник притянулся к стволу плотнее, обмотал окровавленный палец платком, отломил ветку и стал тыкать ею в дно дупла. Кунята, слабо отбиваясь от болезненных укусов, тонко верещали. Ободренный бортник надел на руку видавшую виды шляпу и, действуя ею как клешней, поочередно выудил из гнезда трёх беспомощно барахтавшихся щенков, засунул их в мешок.

Мягкая холщовая полость подействовала на пленников странным образом: они приуспокоились и успокоились.

Оживлённо обсуждая непредвиденную охоту, бортники поставили на стволе тамгузнак в виде двойного угла и ушли восвояси, довольные тем, что так быстро обзавелись новой бортью (обычно её приходится вырубать целый день) и заодно избавили будущих новосёлов от опасных грабителей, ибо все куницы обожают мёд и не упустят случая полакомиться им.

Молодых кунят, по совету егеря, они отдали работникам расположенной неподалёку зверофермы.

Бортники и не подозревали, что в дупле осталась Маха. Когда мать столь необыкновенным образом покинула гнездо, она глубоко втиснулась в выщерблину между рёбрами дупла и не шелохнувшись просидела там до захода солнца.

Всё это время её никто не беспокоил. Маха осмелела и, вслушиваясь в монотонный гул леса, решила выглянуть. Небо было ещё прозрачным и просторным, но в тайге уже стусились сумерки. Осмотревшись и не приметив ничего подозрительного, Маха опасно спустилась на землю.

Над травой толклась мошкара, зло гудело комарьё; пискнула и неслышно исчезла

во тьме летучая мышь; из-за гребня почерневших гор проклюнулся клыкастый месяц — всё в лесу шло своим чередом.

Недалеко от сосны влажный носик Махи учуял родной запах. Куничка взволнованно заметалась, а найдя клочки материнской шерсти, обеспокоилась ещё больше. Упорно рыскала она между переплетений обнажённых корней, но не находила иных следов. Невыносимая тоска и отчаяние охватили маленькое осиротевшее существо.

Внезапно Маху обдало воздушной волной, и жгучая боль пронзила бок. Над головой бесшумно, словно призрак, взмыл к угольно-чёрным макушкам сосен промахнувшийся филин. Куничка запоздало шаркнулась в сторону и помчалась напропалую вниз по косогору, прочь от страшного места. Вслед жутко ухал раздражённый неудачей налётчик.

Перепрыгивая колодины, ветки, рытвины, травянистые кочки, кубарем скатываясь с крутых откосов, мокрая, исхлёстанная ветвями, Маха выбилась из сил. В изнеможении забралась она под выворотень, отдышавшись, зализала горевшую огнём рану, обессиленно вытянулась и уснула.

Выкатившийся на уже поглубевшее небо пылающий диск солнца залил тайгу живительными лучами. Пучки света, профильтрованные кронами деревьев, зажгли росистую траву, заиграли радужными искорками водяного бисера, нанизанного на тонкие нити паутинок.

Зорянка пробудилась ото сна и сыграла на звонкой флейте побудку. Ей в ответ со всех сторон затенькало, засвистело, и вскоре сводный лесной оркестр зазвучал в полную силу. Лежавшую ничком Маху разбудил близкий шелест: припозднившаяся ежиха с вереницей ежат шумно продиралась сквозь голенастые стебли травы.

Из тёмного угла выворотня на Маху не приветливо поглядывал паук. Среди корней тяжко ворочался, поблескивая матовой бронёй, жук-олень. Однако всё это не занимало осиротевшую Маху. Она, с щемящей

тоской вспоминала мать и весёлых, задиристых братишек. Где они сейчас? Что с ними? Кругом кипело столько запахов, но все чужие, незнакомые.

От перенесённого потрясения и непосильного бега Маха даже после отдыха имела жалкий вид. Мышцы всё ещё подергивались, кровь на боку застыла, шерсть слиплась.

Глядя из своего укрытия на солнечные блики, бегающие по дну говорливого ключа, она поняла, что хочет есть и пить. Жажда утолила легко, а вот добыть что-либо съедобное ей не удалось. Наконец, после долгих поисков Маха заметила просеменившую в норку остромордую мышку. Куничка мгновенно преобразилась. Выразительные чёрные глазки алчно заблестели, по шубке словно пробежал электрический ток, мышцы напряглись, вновь наливаясь силой.

Маха вспомнила, как мать в таких случаях затаивалась у входа и не шевелясь поджидала появления хозяйки норы. Теперь маленькая куница сама точно так же притаилась в траве в томительном ожидании. И когда ничего не подозревавшая мышка выбралась на свет, Маха придавила её к земле.

Не имея опыта, охотница принялась что есть силы мотать и энергично встряхивать жертву, пока та наконец не стихла. Опылённая кровью, куничка в восторге несколько раз высоко подпрыгнула над своей первой добычей. Эх, видела бы её победу мама!

Так закончилось детство, и началась самостоятельная жизнь Махи.

— 2 —

Время шло. Повзрослевшая Маха усвоила, где находятся излюбленные места кормёжки рябчиков, куда улетаются они отдыхать на ночь, какая куча хвороста изобилует мышами, в каком ельнике обитают бел-

ки, под какими пнями вырыты норки бурндуков. Изучила повадки своей добычи. Научилась ловить и быстро расправляться с ней. В её движениях появились неприуждённая лёгкость и грация. В характере — выдержка и самообладание.

Теперь Маха подолгу гоняла белок, соперничая с ними в быстроте и ловкости. Однако нападать на них пока не решалась.

Однажды она заметила хорошо натопанную тропинку, которая вывела её в небольшую котловину, заросшую чернолесьем. Проследовав через болотину, Маха поднялась на сухой взлобок, покрытый оспинами свежих ямок, выветрившимся помётом, обломками покусанных веток и обглоданными костями. Чуть дальше, между отполированных снизу стволов резвились большеголовые волчата.

Маха почувствовала, что встреча с ними не сулит ничего хорошего, и немедленно повернула прочь от волчьего логова. Интуиция подсказала, что тропинкой уходить не следует. Взобравшись на расщепленную ветром ольху, куница пошла верхом. И благодаря этому избежала встречи с матерым волком, спешившим с добычей к своему прожорливому семейству.

Всё реже и реже спускалась она на землю, где на каждом шагу подстерегали опасности. Только на деревьях, среди зелёной листвы, Маха чувствовала себя уверенно. Птицы и белки, обитавшие здесь, завидев её, поднимали тревожный гвалт и в панике разлетались, разбегались кто куда.

Маха вытянулась, стала выше и крепче. Шубка, покрывавшая стройное мускулистое тело, приобрела приятный бежевый оттенок, шею и грудь украсило жёлто-кремовое пятно, рана на боку зажила, подёрнулась нежным пушком новой шерсти. Ощущение одиночества и беспомощности прошло. Маха стала полновластной хозяйкой верхнего яруса леса.

Во время дневного зноя она предпочитала дремать в прохладе дупла. Но как только стихал птичий гомон, Маха, не обращая внимания на малопривлекательные вопли филина, выходила на охоту.

В один из таких вечеров, спускаясь вдоль ключа к отлогому берегу реки, куница услышала треск и густой шум падающего дерева. Маха встрепенулась и, взлетев на громадный вяз, по-гусиному вытянула шею, пытаясь рассмотреть место, откуда донёсся шум, но частая листва скрывала от неё низкий берег.

Размашисто прыгая по ветвям, Маха перебралась поближе. Слабый ветер мягко шелестел листвой и скрадывал шум прыжков.

На краю узкой прибрежной гривки, сплошь заросшей тальником, над поваленным деревом горбились чёрные силуэты — два солидных бобра сосредоточенно объедали молодую сочную кору осины. В глубине леса хрустнула хворостина под чьей-то неосторожной лапой. Пугливые звери мгновенно встали столбиками. Настороженно огляделись. И, более полагаясь на слух, чем на зрение, нырнули в заводь, предупреждая остальных членов колонии об опасности мощными и хлёткими, как выстрел, ударами чешуйчатых хвостов. Брызги взметнулись ввысь, и отражённый лик луны разлетелся на жёлтые осколки.

Лес ответил ещё большим переполохом. Какой-то скрытый непроглядной тьмой таёжный исполин обеспокоенно хрюкнул и, с оглушительным треском тараня глухольесье, понёсся прочь. Шум быстро распространялся вширь, но, удаляясь в глубь чащобы, постепенно стих. Зато в заводи завозился кто-то большой, могучий.

Приближался рассвет. Река облачалась в молочные одеяния. Ели на противоположном берегу постепенно исчезали в волнистой мгле, словно таяли, и вскоре лишь верхушки самых высоких торчали из тумана точно молоденькие ёлочки на заснеженном поле. От воды дохнуло промозглой сыростью. Зябко передёрнувшись, Маха побежала было по откосу на сухое продуваемое взгорье, как вдруг в глубине кроны ближней берёзы бестолково хлопнул крыльями рябчик.

Куница сноровисто вскарабкалась по гладкому, в чёрных отметилах стволу к спящему выводку. Цапнула подвернувшуюся курочку, но, не удержавшись на ветке, неуклюже шмякнулась вместе с добычей на землю. От сильного удара она разжала коготки и выпустила рябуху. Той бы сразу взлететь да раствориться в лесных крепях. Ан нет! Глупая, тоненько запищала и, путаясь в траве, суматошно засемила прочь. Маха настигла её одним броском.

Подкрепившись, куничка перешла через ручей по поваленной лесине, как по мостику, и чутко обернулась: в её сторону бежала пара куниц. Махе и прежде попадались их следы, но она инстинктивно избегала встречи с соседями.

Увидев незваную гостью, куницы негодуя застрекотали. Несдобровать бы Махе, если б не отчаянное бегство. Разъярённые

хозяева настырно преследовали её до тех пор, пока не выдворили за пределы своей вотчины.

Выскочив на усеянное крупной галькой ложе речки, Маха припустила без оглядки вверх по стиснутому крутобокими сопками сухому руслу.

Гонимая паническим страхом, она уходила всё дальше и дальше. За спиной уже осталось немало кривунов и скалистых прижимов, когда до неё докатился мощный гул. Махе ещё долго пришлось бежать, прежде чем она увидела глубокий разлом-колодец, в котором, с рёвом переливаясь через глыбы камней, дымясь летучей моросью, бесследно исчезала река.

Незаметно пролетело лето. Вот уже первый заморозок, возвещающий о скором увядании природы, выбелил травы и запалил по склонам сопки многоцветные костры. На изумрудном хвойном поле, усеянном плотными смолистыми шишками, жёлтым пламенем полыхали берёзы, осины. Яркими мазками горели гроздья рябины, плоды шиповника. Сочно чернели кисти черёмухи. Между сосен алела брусника. Зазывающе кокетливо кивали рогатые

букетики лещины. Колонии опять сплошь покрыли пни и валежины.

Все обитатели леса жировали на богатых кормах, готовясь к длинной зиме. Маха частенько посещала излучину реки, сплошь заросшую черёмухой, и вот однажды, когда она забралась в самую гущу спелых гроздей и принялась с удовольствием поедать вязуще-сладкие ягоды, неподалёку кто-то шумно засопел. Маха резко обернулась. На старой, разросшейся черёмухе колыхались ветки. Одна из них изогнулась и, описав крутую дугу, замерла между стволов, где на «троне» из веток восседал медведь. Забавно причмокивая и довольно урча, он отправлял в громадную пасть черёмуховые кисти одну за другой. Косолапый не утруждал себя лишними движениями, а заламывал к себе самые плодоносные ветки.

Насторожив уши, время от времени поглядывая на косматого громилу, Маха то ропливо набила желудок и, не задерживаясь, вернулась в сопки...

День ото дня холодало. Порывистый ветер безжалостно срывал поблекшие листья. Обгоняя всклокоченные тучи, потянулись на юг, в тёплые края, разномастные птичьи косяки. Привольно жилось теперь Махе в поредевших кронах. Похолодание принесло приятные перемены — исчезли наконец докучливые кровососы. Разоряя по ночам беличьи гнёзда, она всё реже спускалась на землю.

— 3 —

Дни становились всё короче, а ночи длиннее и холоднее. В тех местах, где ручей замедлял свой бег, берега уже обметало узорчатым ледком. Пронизывающий ветер обжигал чёрные оголённые ветки. Зима стучалась в мёртво сквозящий лес.

Высунувшись однажды из дупла, Маха не признала окрестностей. Чего-то белого, незнакомого навалило сразу столько, что тайга совершенно преобразилась. Земля как бы приподнялась, а деревья опустились, стали ниже ростом. Ветви, кусты, валежины, заплыв белым жиром, растолстели. Нижние лапы елей, согнувшись под тяжестью покрова, образовали покатые шатры — удобные прибежища для обитателей леса.

Маха сначала понюхала, потом полизала переливчатые блёстки. Осторожно ступила на неслежавшийся пух, попоной укрывавший толстый сук. Он податливо сминался, слегка хрустел и приятно холодил лапки.

Сверху на спину серебром посыпалась кухта. Куница с непривычки поёжилась и брезгливо отряхнулась. Упругая волна прокатилась по роскошной шубке, которую теперь было вовсе не узнать. Более светлый зимний мех достиг полной пышности. Глянцевая ость мягко струилась, мерцала янтарными искорками. Густая подпушь должна была надёжно защитить от морозов и пронизывающих ветров.

Сообразив, что теперь лучше ходить по низу, Маха спрыгнула на белый волнистый покров и глубоко погрузилась в пуховую перину. Выбравшись, с удивлением осмотрела ямистый след и, принаравливаясь к снежной рыхлости, отправилась в ельник, где частенько удачно охотилась на рябцов.

Пробегая через бурелом, она столкнулась с незнакомым ярко-охристым зверьком в чёрной «маске». Оба замерли, напрягшись как туго закрученные пружины. Немегающим взглядом долго прощупывали друг друга, старательно цедея носами морозный воздух.

Рыжий колонок был на редкость злобным и агрессивным созданием. Держался вызывающе, однако, уступая Махе в силе, не осмеливался напасть первым. Видя нерешительность дальней «родственницы», он, воинственно выгнув спину, свирепо ощерился и, резко прострекотав, всё же сделал несколько устрашающих выпадов. Не довольствуясь этим, обдал куницу скверно пахнущей струёй и только тогда нырнул в снег, где чувствовал себя словно рыба в воде.

Обежав ельник, в котором обычно хоронился табунок, Маха с удивлением обнаружила, что лесных курочек, отдыхающих по ночам под прикрытием еловых лап, нигде нет. И не успела поразмыслить над тем, куда могла запропасться её любимая добыча, как снег перед ней покрылся белыми снопами взрывов: обдавая куницу искристой пылью, из-под лап выпархивали рябчики. Встревоженные подозрительным хрустом курочки рассаживались на деревьях и, внимательно наблюдая за своим извечным «пастухом», перелетали в глубь леса, как только он пытался приблизиться. Кожистые зубцы на лапках рябчиков к зиме отвердели, и птицы без труда могли сидеть даже на обледенелых ветках.

Маха быстро усвоила, что рябцы с появлением снега, набив за день берёзовыми почками полный зоб, вечером прямо с дере-

ва ныряют в пышные сугробы и сидят там всю ночь, пока восходящее солнце не ослабит мороз. Под снегом тепло и безопасно: к убежищу ни единого следа — попробуй-ка найти! Только опытный глаз может отличить лунку лесной курочки от вмятины, оставленной свалившимся с ветки снежным комом. Научившись распознавать спальни рябчиков, Маха тем не менее за зиму всего несколько раз сумела полакомиться их белым нежным мясом: осторожные птицы делали под снегом боковые ходы, и она зачастую прыгала на лунку, под которой была пустота.

В сильную стужу, когда прокалившиеся на морозе стволы звонко лопались, Маха становилась малоподвижной, и если перед этим охота была успешной, то не выбиралась из логова сутками.

После одной из таких вынужденных отсидок проголодавшаяся куница заметила лунку непривычно большого размера и, перейдя на мелкий шаг, подкралась к ней. Из-под снега исходил аппетитный запах громадной бурой птицы, которую Махе доводилось видеть на соснах, где та поедала длинную хвою. Это был запах глухаря.

Долго стояла куница с приподнятой лапой. Взволнованно принюхивалась к дразнящему аромату. По телу волнами прокатывалась пьянящая охотничья страсть. Близость добычи манила. И все же, несмотря на голод, Маха робела, догадываясь, какая сила таится в пернатом гиганте. Наконец, воспоминание о том, как испуганно отлетали, завидев её, глухари, придало куничке решимость. Остановившись через каждые три-четыре шажка, она всё же подкралась к спальне и, поколебавшись секунду, нырнула в снег.

Застигнутый врасплох петух, энергично хлопая тугими крыльями, выметнулся из сугроба и, обвитый, словно змеей, длинным телом Махи, понёсся по снежной целине. Грузно оторвался и, с трудом лавируя между ветвей, полетел сквозь лес, медленно набирая высоту. Тем временем две пары длинных клыков всё глубже вонзались в его шею.

Ожесточённая поединком куничка, наслаждаясь властью победителя, рвала и трепала уже мёртвого глухаря. Перья летели по ветру, словно хлопья сажи.

Утолив голод, удачливая охотница насилу затащила остатки жертвы под заснеженную валежину. Нагребла подстилку из сухой травы, листьев и провела в потаённом убежище несколько беззаботных дней. На

лопатках и животе у неё впервые за зиму появился жирок.

На исходе четвёртого дня её сытый покой нарушил залиvistый лай. От резких, пружинистых прыжков белки, преследуемой собакой, с еловых лап тихо срывался и повисал меж стволов облачками мелкий снег. Вот изнурённая беглянка затаилась. Сухо щёлкнул выстрел, и подошедший на лыжах охотник вынул из сугроба убитого зверька. Лай, удаляясь, понёсся к другой стороне распадка. Зверобой торопливо заскользил следом.

Дождавшись сумерек, Маха, тревожно озираясь, выбралась из убежища. Со стороны ручья ветер нёс резкий запах дыма. Среди чёрных стволов мелькнул страшным глазом костёр — неизменный спутник человека. Появление его в лесу не предвещало ничего хорошего. Однако, обленившаяся от сытости и покоя, куница отогнала недобрые предчувствия и, побегав немного, юркнула в глубокое дупло дерева. Беспечно свернулась там калачиком и, накрывшись вместо одеяла пушистым хвостом, уснула.

Когда на востоке проклюнулось холодное тусклое солнце, охотник, ушедший давеча слишком далеко от деревни и вынужденный заночевать в лесу, быстро собрался и, подгоняемый морозом, заспешил домой. Аккуратная строчка свежих следов, пересекавшая его старую лыжню, сразу привлекла внимание.

— Куница! Вот это удача! Сезон только начался, а богатая добыча сама бежит навстречу, — обрадовался промысловик, а увидев, как близко прошли они вчера от покинутого куницей убежища, набросился на пса:

— Ну и бестолочь ты, Актабан! Куда глядел? Куница под носом была, а ты белок считал! Ну, ничего, от нас, брат, не уйдёшь!

К их счастью, раздобревшая куница верхом почти не ходила, и пёс, взяв выходной след, быстро нашёл её новое пристанище. Нетерпеливо взлаивая и скуля, Актабан старательно заскрёб когтями кору заиндевелой сосны. Хозяин сразу разглядел на высоте пяти-шести метров чернеющий пятёчек дупла.

Унимая волнение, он скинул котомку, прислонил к ней ружьё. Несколько раз шарахнул обухом топора по ровной, без единого сучка, бронзовой колонне. Пугливые снежинки окутали сосну, покрыли серебристой пылью тёмную фигуру человека.

Тихо. Маха затаилась крепко и ничем не обнаруживала своего присутствия. Это обстоятельство не смутило охотника. Он срубил молодую ель, окоротил разлапистые ветки и, прислонив её к стволу, поднялся по ней к дуплу, словно по лестнице.

Надев на рукавицу брезентовую верхонку, запустил руку в дупло сначала по локоть, а затем, скинув телогрейку, по самое плечо, но до дна так и не дотянулся. Заткнув лаз шапкой, он, простучал ствол топором и по звуку определил нижнюю границу полости. Вырубил отверстие и с надеждой пошарил в нижней части дупла, но Маха молча увернулась и вскарабкалась по губчатой трубе наверх.

Спустившись на землю, человек вынул из котомки сетчатый «рукавчик», скобки и несколько завитков бересты. Срезал прутик чуть длиннее «рукавчика». Заострил с одного конца и ращепил с другого. Открытый конец ловушки прикрепил скобами к верхнему лазу, а глухой оттянул рогулькой

перпендикулярно к стволу. В прорубленное снизу отверстие сунул горящую бересту и стал терпеливо ждать. У подошвы сосны, повизгивая от возбуждения, вертелся готовый помочь пес. Сухая труха стенок затле-ла, наполнила дупло удушливым чадом. Из верхнего лаза потянулась струйка синего, вперемежку с чёрным, дыма.

Во рту у Махи стало вязко и горько. Казалось, минуты её жизни сочтены. Задыхавшись, она вдавила нос в пористые гнилушки и стиснула челюсти. Дышать стало легче.

Мёртвая тишина поколебала уверенность охотника.

— Что за чертовщина? Неужели куницы в дупле нет? Небось сидит сейчас где-нибудь в ветвях, насмехается. Либо вообще ушла грядой. Да не должна бы — Актабан не зевнёт. Хотя вчера вон как оплошал, — засомневался он, совершенно сбитый с толку.

Устав стоять на вертлявой лестнице, охотник слез передохнуть. Собрал хворост, наладил костерок, заварив крепкий душистый чай, и отхлёбывая его крохотными глотками, то и дело поглядывал на солнце. Проводить вторую ночь у ноги ему не хотелось. В тайгу он пошёл только на разведку, чтобы определить, в какой стороне нынче держится белка, а вечером вернуться в деревню. Но Актабан, облаивая белок одну за другой, увёл хозяина за перевал, а вот сегодня карты спутала куница...

— Да чего ради морозиться понапрасну? Нижний ход забью. Если куница в дупле, то рукавчик не даст ей уйти — спеленает намертво. Переночую в тепле, а завтра сюда к обеду с палаткой, печуркой и продуктами на пару недель белковать вернусь, — убеждал себя охотник, незаметно собираясь.

Лайка недоумённо наблюдала за хозяином и ни в какую не хотела идти следом. Охотник вынужден был вернуться к сосне и взять упирившегося Актабана на поводок.

Едва ли они успели пройти и треть пути, как ударил шквальный ветер, утопив всё в снежной мгле. К ночи вьюга разыгралась в полную силу. Закачалась, застонала тайга. Хлёткие, напористые порывы ветра срывали с деревьев улежавшиеся снежные глыбы. Одна из них по воле случая угодила в рукавчик и сместила деревянное кольцо.

Смышлёная узница протиснулась в образовавшуюся щель и покинула осаждённую крепость.

Морозный воздух, снежная круговерть быстро взбудрили её. Вскоре Маха нашла

буреломный отвал и в затишье повалилась в снегу, освежая прокоптившуюся шубку и стряхивая с себя приставший мусор. Инстинкт и приобретённый уже горький опыт подсказывали, что оставаться в этом лесу опасно.

Перебиваясь в дороге случайной пищей, снова и снова карабкаясь на скалы, ныряя в распадки, беглянка достигла высоких, мощных хребтов и углубилась в молчаливый сумрак перестойных ельников.

Облюбовав межгорное урочище, изобиловавшее белками и рябчиками, Маха обследовала участок и, убедившись, что он свободен, застолбила запахowymi метками свою вотчину...

— 4 —

Долго тянется зима, но и у неё есть конец. Весна, словно извиняясь за свою медлительность, дружно и бесповоротно вступила в свои права. Запылавшее жарким костром солнце заполнило промороженное дно тайги живительными волнами тепла.

Под напором пробудившихся жизненных соков лес быстро преображался. Ветви набухли, деревья загустели. На южных склонах заржавели первые приствольные круги. Съезжившиеся снега плавильсь, насыщались влагой. Однако ночью отяжелевшие кристаллы вновь спаивались морозом, образуя прочный наст.

Для копытных и боровой птицы наступила самая тяжёлая пора. Олени проваливались сквозь наст и резали голени об его острые кромки. Боровая птица, особенно рябчики, укрывавшиеся под снегом, по утрам с великим трудом пробивали обледенелую крышу.

Всё увереннее гремели ручьи. Быстро таяли, обрастая накопившимся за зиму лесным мусором, ноздреватые сугробы.

Днём в единственную здесь берёзовую рощицу слетались дятлы. Они пили из специально пробитых в коре дырочек сладкий сок. Махе он тоже пришёлся по вкусу, и она охотно припадала к источнику сочащейся влаги, чтобы утолить жажду, подкрепить силы.

Каждый уголок леса наполнялся жизнью. Зашелестели клейкой листвой деревья. Духовитая травка покрыла склоны бархатисто-изумрудным ковром. Зацвела черёмуха, за ней — рябина, калина. Незаметно весна перешла в лето.

Мало-помалу стихали брачные песни птиц. Смолкли трели обременённого семейными заботами зяблика. Почти каждый день после полудня над тайгой вызревали между двух хребтов тёмно-лиловые тучи. Жизнь в урочище перед грозой замирала; томительное напряжение росло; духота сгущалась, становилась невыносимой. Какое-то невидимое парализующее поле пронизывало всё живое. Наконец, из непроницаемых черных туч срывался к земле тугой, ослепительный сноп света, на мгновение озарявший притихшую долину белым сиянием. И вновь воцарялся полумрак. Затем оглушительный треск раскалывал пространство, прокатывался по горам, сотрясая каменные отроги. Отдыхавший за могучей спиной хребта ветер пробуждался и разъярённо врвался в долину. Следом, из разом прохуdivшихся небес низвергался на ещё не успевшую подсохнуть землю очередной щедрый ливень.

По утрам, обласканная солнцем, земля дымилась влажными испарениями. Свежо пахло листвой и хвоей, тучные травы, заполнившие лес, мешали бегать. Маха, мокрая от росы, то и дело брезгливо отряхивалась и спешила перебраться в продуваемый ветерком верхний ярус, где, распластавшись на тёплой коре толстого сука, беспечно дремала до следующего ливня, от которого спасалась в дупле или под многослойным пологом облюбованного ею елового шатра. Здесь всегда было сухо, а иной раз даже удавалось добыть прятавшуюся от дождя пичугу. Если верховая охота случалась неудачной, то куница всё спускалась вниз и, забравшись на корягу или пень, терпеливо снося укусы мошек, назойливо лезших в

нос и уши, караулила коротколапых кротов, выбравшихся из-под земли за дождевыми червями. Её упорство неизменно вознаграждалось вкусным обедом.

Иногда Маха спускалась вдоль набухшего ручья к реке, где ловила увлечённых базарной болтовней лягушек. Возле неглубоких заливов куница частенько видела лосей с неуклюжими смешными телятами на ногах-ходулях. Они паслись на обильном разнотравье, отдавая предпочтение иван-чаю.

Взрослые лоси с удовольствием заходили в заводь и бродили по брюхо в воде. Отщипнув пучок водорослей, они вскидывали головы, с наслаждением отфыркивались от стекавшей по горбоносим мордам воды и хрумкали сочные стебли.

Однажды, безуспешно прогонявшись по деревьям за белкой, раздражённая падением с мокрых ветвей, Маха отдыхала на узкой надпойменной террасе. Вдруг ей почудился легкий шелест. Навострив подвижные ушки, куница мелкими шагами прошла по полуистлевшему стволу и мягко прыгнула на обомшелый валун.

Впереди, под скалистым обнажением зияла узкая брешь. Из неё веяло холодом, а между камней струился ручеек. Скользя по

крутым бокам голышей, сильно замочив лапы, Маха проникла в мрачный каменный мешок, покрытый осклизлым чёрным налётом. Гулкое эхо капли с невидимого свода нарушало тягостную тишину.

С живым интересом оглядев влажно поблёскивающие стены, таинственные ниши и щели, куница пошла дальше. Дно грота поднималось вверх ступеньками. Вскоре дорогу загородил высокий известковый выступ, заплывший сверху ледяным козырьком, из которого торчала наполовину вытявшая туша бурого медведя. От падающих на Маху холодных капель шубка отсырела, и куница поспешила на волю погреться и обсохнуть...

— 5 —

Минул ещё один год, и снова наступило лето, третье в жизни лесной охотницы. Все это время Маха по-прежнему обитала в полюбившемся межгорном урочище, изученном до последнего кустика. По-прежнему бродила она в одиночестве, не встречаясь с другими куницами, — Маха хорошо помнила, как пара соплеменниц когда-то чуть не загрызла её, изгоняя из своих владений.

Но вот однажды, тёплой лунной ночью, Маха заметила бегущего по её следу сородича-самца. Сначала она оробела. Птицей взлетела по стволу на вершину дерева. Самец последовал за нею. Но прошло то время, когда Маха чувствовала себя беззащитным существом. Повзрослевшая куница не собиралась уступать свои владения без боя. Желая напугать преследователя, она свирепо оскалила пасть, сморщила нос и даже устрашающе зашипела.

Обескураженный самец, имевший к очаровательной куничке совершенно иные намерения и не ожидавший такого приёма, покорно спрыгнул вниз и, забравшись в траву, выжидающе вытянулся поодаль. Маха тем временем воспользовалась появлением тумана и ушла верхом в глубь тайги. Настойчивый незнакомец вновь разыскал её и, почтительно соблюдая дистанцию, повсюду следовал за ней.

Между тем куница проголодалась. Разглядев мельтешивших среди деревьев зайчат, Маха, припадая к земле, неслышно подкралась к ним. Зайчата, не подозревая, какая опасность подстерегает их за кустом можжевельника, беспечно играя, приближались к засаде.

Не сдержавшись, Маха в преждевременном прыжке попыталась достать одного из них. Высоко вскидывая зады, косые рассыпались в разные стороны, и один из них угодил прямо в лапы настойчивого ухажёра. Несчастливая жертва коротко и пронзительно проверещала и стихла. Облизнув окровавленную морду, самец приосанился и призывно зауркал, приглашая пленившую его куницу на трапезу. Оценив, наконец, доброжелательность кавалера, Маха с нарочитой медлительностью приблизилась. Они обнюхали друг друга. Помолвка состоялась.

Когда любовные утехы надоели и Маху стал тяготить нежный ухажёр, она бесцеремонно выставила его за пределы участка и вернулась к привычному уединённому образу жизни.

Поселившийся в соседнем распадке самец первое время регулярно навещал её, но Маха не проявляла к нему прежней симпатии. Встречала неприветливо, а если он ненароком затягивал визит, решительно прогоняла...

— 6 —

Осень выдалась на редкость ненастной, холодной. Тайга, не просыхавшая всё лето, теперь и вовсе потонула в сырости. На поверхности земли не осталось ни одного углубления, в котором не поблескивала бы вода. Над рекой и низинами пластался молочным разливом туман. Нудно, тоскливо шумел лес. По небу косматыми табунами нескончаемо тянулись свинцовые тучи. Порывистый ветер безжалостно трепал, срывал листья. Опалённые первыми заморозками травы поникли.

Не уродили ни орехи, ни желуди, ни ягоды. Не было даже грибов. Валом откати-

лись на запад, за перевал, спасаясь от бескормицы, белки, улетели кедровки, сойки, кукушки, клесты. Утянулись на юг перелётные караваны. Всё живое покидало, обходило стороной бесплодный край. Маха, прижившись на новом месте, не решалась последовать вслед за белками в леса, откуда она в своё время была изгнана. В довершение ко всему, в начале зимы после обильных снегопадов ночью случилась необыкновенная оттепель с настоящим ливнем. К утру северный ветер принёс столь резкое похолодание, что, щедро политые, снега схватились ледяной коркой, навсегда замуравившей большую часть боровой птицы в снежных спальнях.

Для Махи наступили тяжёлые дни. В редкий выход ей удавалось поймать полевку, но мелкая добыча лишь распалаяла аппетит.

Бедствуя от голода, куница мёрзла, не согреваясь даже в покинутых беличьих квартирах. От постоянного недоедания у неё кружилась голова, выворачивало внутренности. Однажды Махе, забывшейся коротким сном, зримо привиделся просторный, полный бурной, радостной жизни сосновый бор. Бор, где она родилась, где ей были неведомы голод, холод, а в говорливом ручье

текла самая вкусная на свете вода. Днём и ночью это видение стало преследовать её.

Стоило Махе лишь задремать, как снова представлялся родной бор, кишачий рябчиками и белками. Она ловит их, безостановочно ест и никак не может наесться. Смятение росло и, наконец, настал миг, когда какая-то неподвластная ей сила неудержимо погнала Маху к родному урочищу.

Поднявшись на взгорье, куница свернула на юг и устремилась к заветной цели. В предрассветный час она чуть не столкнулась с рысью, выплывшей, словно привидение, из запалённой восходящим солнцем изморози. Куница попятилась и бесшумно исчезла в зарослях, но поджарая кошка заметила её и кинулась вдогонку. Маха немедля взлетела по шершавому стволу на ель и, перемахивая с ветки на ветку, благополучно ушла от преследования.

В пути кунице пришлось преодолеть немало щетинистых круч, ниспадавших с гор бугристых ледопадов и непролазных чащоб, прежде чем её взору с высокого отрога открылись знакомые очертания сопки. Радость наполнила сердце скитальцы. Всё веселей, уверенней бежала она по заснеженной тайге. Достигнув последней водораздельной гряды, куница вскарабкалась на одиноко стоящую

сухую ель, растопырившую сучья, словно костлявые руки, и оторопела.

Перед ней, далеко внизу, повторяя изгибы ручья, чернела прокопчённая жилка лесовозной дороги. На пологом склоне, там, где простирался столь желанный заповедный бор, была пустошь, покрытая золотистыми спилами пней.

Спустившись с горной кручи к ручью и быстро перебежав пропахшую соляжкой дорогу, Маха с надеждой направилась через вырубку к темнеющему вдали лесу.

С каждым прыжком остаток бора надвигался непроглядной стеной, увеличивался в размерах и был уже не таким крошечным, как показалось Махе с макушки ели. А когда оттуда донёсся задорный посвист рябчика с короткой трелькой в конце, она и вовсе воспряла духом.

Но непродолжительной была её радость. Привычную тишину зимней тайги нарушало звонкое потрескивание заведённой мотопилы. Мерное тарахтение зачастило, перешло в докучливое осиное жужжание. Вскоре мохнатая крона крайней сосны качнулась, и вековое дерево с густым шумом рухнуло, подняв паглатыми ветвями облака снежной пыли.

Только в стороне Большого хребта, откуда пришла Маха, лес упрямо топорщился нетронутым коренным древостоем, но возвращаться в эти опустевшие от бескормья крепи куница не желала.

Смирившись с близостью рокочущих машин и людей, она обосновалась в истоках ручья, возле скал, изукрашенных цветистой накипью лишайников. Выбор Маха сделала удачно — это место являлось заказником.

— 7 —

У подножия кряжа, на старой делянке, среди мелколесья, чудом сохранился островок могучих сосен. У корней медных колонн были вырезаны какие-то наполовину заплывшие смолой знаки.

Обследовав деревья поочередно, Маха обнаружила, что наверху ко многим стволам плотно привязано корьё. Это обстоятельство заинтересовало её, а когда она взобралась, ей почудилось что из-под корья сочится аромат, от которого любая куница теряет покой.

Маха не раздумывая принялась грызть кору слой за слоем. Работа продвигалась медленно, но к утру проклюнулась дыроч-

ка, пахнувшая густым медовым духом. Теперь куница не сомневалась, что в дупле её ожидает самое восхитительное на свете лакомство. Она даже зажмурилась от удовольствия. Беспреданно глотая слюну, водошевлённая добытчица расширила отверстие, освободила канал от утепляющей прокладки из берёзовых веников и с жадностью набросилась на душистые соты.

Мёд был густой, прозрачный. Маха с наслаждением отрывала переливчатые тянучки и проглатывала вместе с оцепеневшими пчёлами. Наевшись до дурноты, куничка не захотела покидать сладкую борть, опасаясь, что кто-нибудь другой воспользуется найденным ею кладом. Утолив жажду лежащим на сучьях снегом, она нагребла под себя берёзовые листья с веников и, вдыхая пьянящий аромат, уснула.

И надо было случиться так, что в это самое время делал объезд своей лесной пасеки её хозяин. Увидев под сосной кусочки коры и развеянные ветром листья, он сразу понял, что борть ограблена. Сокрушённо причитая, обошёл ствол и по следам определил, что на пасеке разбойничала куница. Чтобы спасти свое хозяйство от полного разорения, бортник решил изловить воровку.

Разбуженная чирканьем лыж, Маха слышала, что под деревом топчется человек. Это несколько обеспокоило её, но вскоре шаги удалились, и куница, уже притерпевшаяся к соседству людей, осталась спать на своём духовитом ложе.

Расстроенный пасечник, убедившись, что на остальных соснах борти пока не тронуты, ушёл в деревню, а поутру вернулся со связкой ловушек. Срубив длинную жердь, прикрутил к ней проволокой настороженный капкан и приставил его к стволу таким образом, что тарелочка ловушки оказалась точно против темневшего отверстия. Сочтя этого недостаточным, он нагрёб внизу снежную «хатку», положил в неё добрый кусок мяса, а у входа насторожил второй капкан. Вокруг «хатки» раскидал для верности ещё и накроху из гусиных потрохов. Перевалив кряж, он спустился к дороге и уехал домой на попутном лесовозе.

Маха слышала, что к её убежищу вновь подходил человек и возился в этот раз довольно долго. Теперь она не на шутку всполошилась, ибо понимала, что он зачистил неспроста. Не высываясь из дупла, куница настороженно прислушивалась к каждому звуку, и когда выход накрыла смутная тень, в ужасе сжалась. Но немного погода послы-

шался удаляющийся скрип лыж, и всё стихло. Маха перевела дух. Тем не менее лишь через пару часов она совершенно успокоилась и попыталась выбраться. Но что это?

Выход из борти загораживал чёрный кружок, противно пахнувший железом и человеком.

Долго не решалась Маха прикоснуться к подозрительному предмету, отдающему смертным духом. Вновь и вновь обнюхивала его. Напряглась до болезненности, вслушиваясь в малейший шорох, но подвижные уши улавливали только неясный шёпот ветра в густой кроне сосны.

От сладкого Маху мучила жажда, и соблазнительная близость снега в конце концов заставила превозмочь боязнь. Всё ещё колеблясь, куница намерилась тихонько отодвинуть кружок в сторону с тем, чтобы увеличить щель и выйти, но едва она коснулась коварной тарелочки, как створки капкана сомкнулись, и острая боль пронзила лапку, растеклась огнём по всему телу.

Маха отпрянула было назад, но стальные челюсти держали мёртвой хваткой. Превозмогая мечущуюся по телу боль, она забилась что было сил — увы, безуспешно.

Тогда куница сама бросилась на «врага». Яростно рвала, грызла ловушку клыками, но эмаль на зубах только крошилась о неподатливую сталь. Дужки держали крепко, а тарелочка и сторожок, болтаясь из стороны в сторону, лишь бесстрастно брякали.

В попытках освободиться прошло несколько часов. Солнце село за гребень хребта. Мороз усиливался. Пережатые пальцы одеревенели, и боль незаметно отступила. От беспрестанных рывков и подёргиваний кожа и сухожилия размочалились. Маха перекусила остатками клыков омертвевшие размочаленные ткани и освободилась наконец от ненавистой железки.

Не обращая внимания на рану, она принялась разгребать листву, перегрызая веточки, чтобы докопаться до подошвы борти, а докопавшись, стала спешно грызть пластырь, преграждающий путь к свободе. Работала без отдыха, словно догадываясь, что времени ей отпущено мало, и если к утру не покинуть эту западню, то случится непоправимое.

Вот уже загорелась на востоке малиновая заря, ударили первые лучи солнца.

С не меньшей поспешностью шёл к сосне бортник, мечтавший не только оградить своих пчёл-кормильцев от разбоя, но и добыть ценную шкурку.

Приближаясь к приметному месту, он издалека увидел, что его труды не напрасны — ловушка сработала! Сердце распирало от гордости и восторга. Ему уже чудилось во мраке лаза сияние меха дивной красоты. Но, подойдя ближе и приглядевшись внимательней, он был озадачен появлением у нижнего края пластыря второго отверстия. Это открытие кольнуло бортника неясной, болезненной догадкой.

Все ещё не теряя надежды, он обежал со сну и увидел на снегу парные следы с алыми пятнышками крови. Сладостные мину-

ты ожидания знатной добычи сменились горьким разочарованием.

За зиму пчеловод, обходя разбросанные в окрестных лесах борти, ещё не единожды наведывался к пострадавшей сосне в расчёте встретить следы воришки, но напрасно. Куница больше не появлялась.

— 8 —

Насмерть перепуганная Маха, припадая на повреждённую лапу, долго бежала через большие и малые речушки. Поднималась по крутым распадкам в горы, спускалась в заснеженные долины. Странясь дорог, санных путей и лыжных проходов, она уходила всё дальше и дальше от злосчастного места. Чем дремучей, непроходимей становилась тайга, чем выше вздымались беловерхие горы, тем свободней и уверенней чувствовала себя куница.

Наконец она достигла рубежа лесов, раскинувшихся на крутых отрогах Дальнего хребта. Белые грани его вершин оживляли сумрачную, обомшелую хвойную чащу. Недоступные для людей дебри надёжно укрыли её.

Тишина, настоящий на хвое воздух, нетронутый, первозданный лес — как радостно ощущать всё это после враждебного мира грязных, вонючих дорог, чихающих дымом железных чудовищ и вездесущих людей.

Здесь, вдали от человеческого жилья, в плотной кроне покорёженной временем ели Маха отыскала покинутое беличье гнездо — гайно — и надолго обосновалась в круглой тёплой камерке — она готовилась стать матерью. Каким встретит окружающий мир её детей?

Валентин СЕРОВ

Валентина Александровича Серова в нашей семье все звали Антоном, да и не только все мы, домашние, но и родственники наши, и близкие друзья. Как и когда родилось это имя — Антон, я не помню. В доме нашем Серов появился «Тошей», и затем уже Тошу перекрестили Антошей — Антоном. Любопытно подчеркнуть, что сам Серов никогда не протестовал против этого нового имени и как будто даже любил его, по крайней мере, в память его одного из своих сыновей назвал Антоном.

Первое моё воспоминание о Серове рисует мне его толстым, мешковатым мальчиком лет десяти-одиннадцати, в чёрной курточке, на которой ярко белет чистый, выправленный наружу отложной воротничок. Затем вижу его уже учеником Первой московской классической гимназии, куда в это время собирались определить моего старшего брата Сергея. Припоминаются первые рассказы приготовишки-гимназиста Серова, уже тогда, в свои отроческие годы, ярко и образно передававшего свои впечатления.

Если Остроухова можно было считать в нашем доме своим человеком, то Серов, попавший к нам в семью почти ребёнком, всю свою жизнь был для нас как родной. Недаром он, будучи особенно привязан к моей матери, неоднократно говаривал, что любит её не меньше своей родной матери. Близко дружен был Антон не только с членами нашей семьи, но и с большинством наших многочисленных двоюродных братьев и сестёр, с которыми он был с детства на ты и сохранил эти близкие отношения до конца своей жизни.

На вид всегда задумчивый, хмурый и суровый, Серов скрывал под этим своим, как будто напускным, видом редкую жи-

Автопортрет. 1880-е гг.

вость и весёлость нрава. Между тем эта внешняя мрачность никогда не покидала его, и все свои остроумные и меткие словечки и неподражаемые шутки он отпу-

скал с невозмутимым, неизменно спокойным хмурым видом.

Я не помню подробностей того, когда и при каких обстоятельствах Серов, вскоре после покинутого им первого класса гимназии в Москве переселившийся со своей матерью в Петербург, снова появился в Москве, — у меня осталось чувство, будто он постоянно проживал у нас. Все, какие ни возьми, наши мальчишеские подвиги неразрывно связаны с Антоном. Когда в одну из абрамцевских зим мы все поголовно увлеклись катанием с гор на лыжах, да ещё с каких крутых гор-то — теперь на них глядеть страшно, — Антон, конечно, был в первых рядах наших, а на устроенных на Масленицу состязаниях в этом спорте занял первое место. Вернувшись после этого своего

Девочка с персиками. Портрет В. С. Мамонтовой, 1887 г.

Зима в Абрамцево. 1886 г.

триумфа домой, Серов тут же вечером сгоряча нарисовал в большом абрамцевском альбоме превосходные карикатурные портреты всех участников состязаний, замечательно уловив сходство каждого.

Серов страстно любил лошадь — этот венец создания, по словам арабов. При всяком удобном случае рисовал он её с натуры, а нет — так из головы. Любя лошадь всем сердцем, он

всесторонне «чувствовал» её, почему на всех его рисунках и картинах она так прекрасно, безукоризненно изображена.

В верховой езде Серов был нашим неизменным спутником, а вначале и руководителем. Чаще всего ездил он на Узелке — маленьком, шустром и нарядном жеребчике, очень подходившем ему по росту. Сохранился отличный фотографический снимок Антона верхом: героем,

подбоченясь, сидит он в полосатом жокейском пиджачишке на любимом своём Узелке. Отец как-то привез из Англии каждому из нас, мальчиков, и Антону, конечно в том числе, по фланелевому жокейскому полосатому пиджаку, причем каждому своего цвета: у Серова он был белый с синими полосами.

Трогательно дружил он с моими сёстрами, которые были много моложе его, и при этом удивительно добродушно переносил всяческие их проказы. А они чего только не вытворяли со своим другом Антоном. Только, быва-

Портрет А. И. Абрикосова. 1895 г.

ло, усядется он спокойно на большом диване — а при своём маленьком росте он не доставал ногами до полу, — девочки тут как тут, налетают на него бурей, хватают его за висящие ноги, задирают их кверху и опрокидывают Антона на спину...

На почве этой дружбы и явилась на свет знаменитая серовская «Девочка с персиками», один из перлов русской портретной живописи. Только бла-

Рисунки к басням И. А. Крылова

годаря своей дружбе удалось Серову уговорить мою сестру Веру позировать ему. Двенадцатилетнюю жизнерадостную, бойкую девочку в летний погожий день так и тянет на волю, побегать, пошалить. А тут сиди в комнате за столом, да ещё поменьше шевелись. Эта работа Серова потребовала много сеансов, пришлось сестре долго позировать для неё. Да Антон и сам признавал медленность своей работы, очень этим мучился и впоследствии говорил сестре, что он её неплатный должник.

Одним из сильных увлечений Серова были всякие дикие звери. Часами просиживал он в зоологическом саду перед клетками хищников, внимательно изучая их позы, движения, повадки. Ну и рисовал же он зато зверей с исключительным, проникновенным мастерством. Серия рисунков Серова к басням И. А. Крылова — это яркий образец вдохновенного изображения зверей, птиц и животных...

Прочно засел у меня в памяти красочный рассказ Серова о его работе над двумя портретами, написанными им в совершенно различных условиях.

Ещё малоизвестным художником писал он в Москве портрет А. И. Абрикосова, основателя известной кондитерской фабрики под фирмой «А. И. Абрикосов и сыновья», человека уже преклонных лет. Сеансы начинались с утра, почему Серов к 10 часам утра являлся на дом к Абрикосову и начинал свою работу. В 12 часов аккуратно приходили звать Алексея Ивановича завтракать. Старик сейчас же поднимался с места, просил Серова подождать немного и удалялся. Минут через тридцать-сорок он возвращался как ни в чём не бывало, продолжал позировать, ковыряя в зубах зубочисткой. Рассказывая это, Серов сам усаживался в кресло, принимал важную позу надутого Абрикосова и изображал, как тот, пресыщенный завтраком, сонными глазами глядел на художника. Затем он, не выдерживая, вскакивал и, болезненно переживая старую обиду, жаловался на хамское отношение московского купца к художнику.

Дети. 1899 г.

Мика Морозов. Портрет М. М. Морозова. 1901 г.

Портрет Александра III с рапортом в руках. 1900 г.

Второй портрет Серов, в те времена уже общепризнанный мастер, писал с самого царя Александра III в Петербурге. С неумолимой точностью он должен был являться к назначенному часу в Аничков дворец, где царь ему позировал, уделяя на сеанс не более двадцати минут времени. Один раз Серов, явившийся, как то требовалось, к указанному часу, не застал царя во дворце, и ему было предложено обождать немного в одной из комнат, окна которой выходили во двор. Ждать долго не пришлось. Скоро во дворе раздались резкие звуки трубного сигнала. Серов бросился к окну и видит: выбегающие из караульного помещения солдаты с молниеносной быстротой строятся в ряды для встречи царя. Тут же на пол-

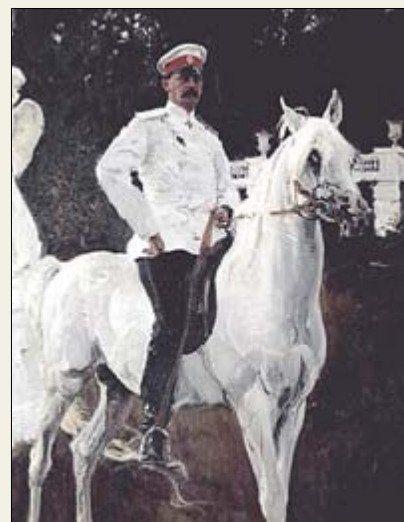
ной рыси влетает во двор пара взмысленных рысаков, как вкопанная останавливается у подъезда дворца, и из саней, подхваченная под руки выскочившими из дворца служителями, медленно поднимается высокая, громоздкая фигура Александра III. «Я почувствовал себя в Вавилоне или в древней Ассирии, — кончал свой рассказ Серов. — Ни дать ни взять Навуходоносор какой-то — даже холодок у меня по спине пробежал...»

Из художников-сверстников Серов ближе прочих был дружен с Константином Коровиным, талант которого он очень высоко ценил. После ухода из-за женитьбы из мастерской, в которой он работал совместно с Остроуховым, Серов около года работал вместе с Коровиным в

мастерской на Ленивке. Там, между прочим, написан им находящийся в Третьяковской галерее портрет Коровина в жилете, полулежащего на диване.

В спектаклях нашего дома Серов, если только он в это время жил в Москве или Абрамцеве, всегда принимал самое деятельное участие и в каждой порученной ему роли создавал интересную, характерную фигуру.

С трудом поддаваясь уговорам принять участие в спектакле, Антон сам рвался в бой, как только дело доходило до костюмированных вечеров. Ярким воспоминанием остался в памяти показанный им игрушечный зайчик. На специально сооружённой для этого его трюка тележке-платформе сидел на стульчике Антон в белом мехо-

Портрет князя Ф. Ф. Юсупова, графа Сумарокова-Эльстон. 1903 г.

вом одеянии и в маске зайца с длинными ушами. Перед ним на скамеечке стоял барабан, по которому он бил палочками в такт вращающимся колёсам. Вёз всё это сооружение один из моих двоюродных братьев, одетый маленькой девочкой. Успех этой презабавной шутки Антона был колоссален, хохот кругом него стоял несмолкаемый.

В 1889 году Серов женился и, оказавшись ревностным семьянином, уже много реже бывал у нас. Отдавшись целиком своей домашней жизни, Серов навсегда сохранил с нашей семьёй свои тесные дружеские отношения и трогательную любовь к моей матери, неизменно выказывавшуюся им в трудные дни её жизни.

Виталий Бианки

СЕНТЯБРЬ

Из книги «Синичкин календарь»

— А теперь какой месяц будет? — спросила Зинька у Старого Воробья.

— Теперь будет сентябрь, — сказал Старый Воробей. — Первый месяц осени.

И правда: уже не так стало жечь солнце, дни стали заметно короче, ночи — длиннее, и всё чаще стали лить дожди.

Первым делом осень пришла в поле. Зинька видела, как день за днём люди свозили хлеб с поля в деревню, из деревни — в город. Скоро совсем опустело поле, и ветер гулял в нём на просторе. Потом раз вечером ветер улёгся, тучи разошлись с неба. Утром Зинька не узнала поля: всё оно было в серебре, и тонкие-тонкие серебряные ниточки плыли над ним по воздуху. Одна такая ниточка, с крошечным шариком на конце, опустилась на куст рядом с Зинькой. Шарик оказался паучком, и Синичка, недолго думая, клюнула его и проглотила. Очень вкусно! Только нос весь в паутине.

А серебряные нити-паутинки тихонько плыли над полем, опускались на жнитво, на кусты, на лес: молодые паучки рассеялись так по всей земле. Покинув свою летательную паутинку, паучки отыскивали себе щёлку в коре или норку в земле и прятались в неё до весны. В лесу уже начал желтеть, краснеть, буреть лист. Уже птички семьи-выводки собирались в стайки, стайки — в стаи. Кочевали всё шире по лесу: готовились в отлёт.

То и дело откуда-то неожиданно появлялись стаи совсем незнакомых Зиньке птиц — долгоносых пёстрых куликов, невиданных уток. Они останавливались на речке, на болотах; день покормятся, отдохнут, а ночью летят дальше — в ту сторону, где солнце бывает в полдень. Это пролетали с далёкого севера стаи болотных и водяных птиц.

Раз Зинька повстречала в кустах среди поля весёлую стайку таких же, как она сама, синиц: белощёкие, с жёлтой грудкой и длинным чёрным галстуком до самого хвостика. Стайка перелетела полем из леска в лесок.

Не успела Зинька познакомиться с ними, как из-под кустов с шумом и криком

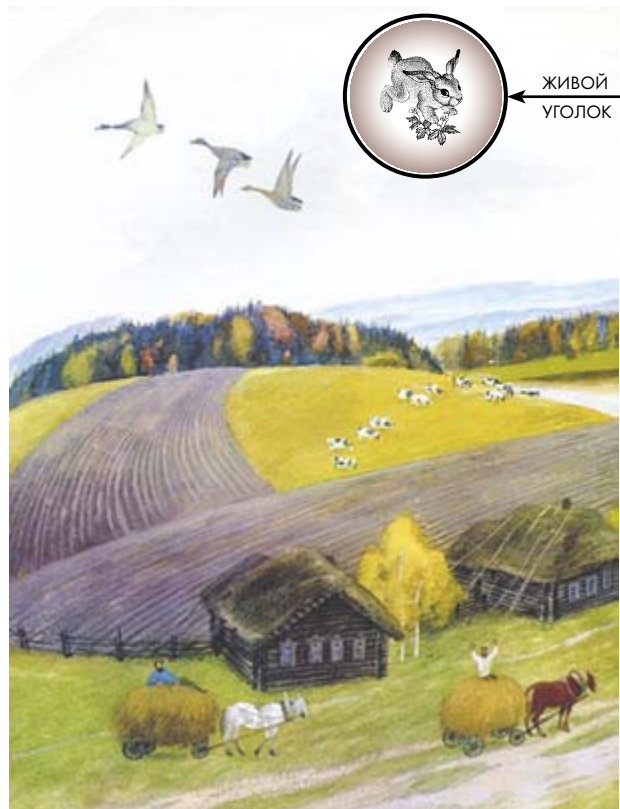

Иллюстрация Н. Устинова

взлетел большой выводок полевых куропаток. Раздался короткий страшный гром — и Синичка, сидевшая рядом с Зинькой, не пискнув, свалилась на землю. А дальше две куропатки, перевернувшись в воздухе через голову, замертво ударились о землю. Зинька до того перепугалась, что осталась сидеть, где сидела, ни жива ни мертва.

Когда она пришла в себя, около неё никого не было — ни куропаток, ни синиц.

Подошёл бородатый человек с ружьём, поднял двух убитых куропаток и громко крикнул:

— Ау! Манюня!

С опушки леса ответил ему тоненький голосок, и скоро к бородатому подбежала маленькая девочка. Зинька узнала её: та самая, что напугала в малиннике медведя. Сейчас у неё была в руках полная корзина грибов.

Пробегая мимо куста, она увидела на земле упавшую с ветки Синичку, остановилась, наклонилась, взяла её в руки. Зинька сидела в кусту не шевелясь.

Девочка что-то сказала отцу, отец дал ей фляжку, и Манюня sprysнула из неё водой Синичку. Синичка открыла глаза, вдруг вспорхнула — и забилась в куст рядом с Зинькой.

Манюня весело засмеялась и вприпрыжку побежала за уходившим отцом.

Песня, покорившая мир

У песен своя история и своя судьба. Одни песни умирают, не успев дозвучать, другие уходят в народ, становясь символами города, страны, а то и целой эпохи. К последним можно отнести песню «Подмосковные вечера» композитора Василия Соловьёва-Седого (1907–1979) на слова поэта Михаила Матусовского (1915–1990), которая более полувека является визитной карточкой не только Москвы, но и всей России. Ее знают, любят и поют по сей день на всех шести континентах. Она переведена и пересказана на десятки языков мира, а по количеству исполнений является рекордсменом Книги Гиннеса.

Редкий случай: на московском доме, где песня была написана (Сивцев Вражек, д. 25/15), установлена памятная доска.

Однако начало её истории не предвещало столь блистательной судьбы.

Летним вечером 1953 года на даче в Комарово под Ленинградом (ныне — Санкт-Петербург) Василий Павлович Соловьёв-Седой набросал мелодию лирической песни, которую назвал «Ленинградские вечера». Сочинил и отложил в нижний ящик письменного стола, потому что она ему не понравилась.

И песня наверняка оказалась бы забытой или выброшенной, но тут, как это часто бывает, вмешался случай.

Москва готовилась к I-й летней Спартакиаде народов СССР. К этому событию решено было снять документальный фильм о лёгкой атлетике под названием «В дни спартакиады». Для него Соловьёву-Седому и Матусовскому заказали написать несколько песен, в том числе одну лирическую. По мысли авторов фильма, эта песня должна была прозвучать на фоне кадров Подмосковья, где спортсмены отдыхали на спортбазе, набираясь сил перед ответственными стартами.

Сроки поджимали, и композитор вспомнил о лежащей у него в столе лирической песне. Заменяв название «Ленинградские вечера» на «Подмосковные», он наиграл мелодию Матусовскому, который сочинил к ней слова. Песня была готова. Исполнить её предложили Марку Бернесу. Но тот, не имея ничего против музыки, о словах выразился весьма критично: «Ну, и что это за песня, которая слышится и не слышится? А что это за речка — то движется, то не движется?» И петь отказался, о чём, думаю, потом очень жалел.

Песню исполнил солист Большого театра Евгений Кибкало (баритон), но, естественно, в академической манере. На прослушивании «Подмосковных вечеров» в Студии кинохроники худсовету песня не понравилась, и её решили считать авторской неудачей. Но тут в дело вновь вмешался его величество случай.

В Центральную студию кинохроники, где шла работа по озвучиванию музыкальных эпизодов фильма «В дни спартакиады», зашел артист МХАТа и эстрадный певец Владимир Трошин. Случайно он услышал запись «Подмосковных вечеров» в исполнении Кибкало. Песня ему так понравилась, что он попросил находившегося в студии Соловьёва-Седого разрешить ему её спеть.

— Дрянная песня, — махнул рукой Василий Павлович. — Не получилась она у меня. В корзину пойдёт...

— Как в корзину? — удивился Трошин. — Мне кажется, песня очень даже хорошая. Может, попробовать исполнить её мягче, лиричнее?

С трудом уговорили они оркестрантов ещё раз исполнить поднадоевшую за дни записи мелодию. На этот раз песня всем понравилась. Однако фильм был уже почти готов, и вставить песню целиком было невозможно, так что она прошла в нём только фоном.

Фильм «В дни спартакиады» успеха не имел, но песни в исполнении Трошина решено было перезаписать для фонотеки Всесоюзного радио.

Первый радиоэфир принёс «Подмосковным вечерам» всесоюзную славу. Радиокomiteeт был просто завален письмами с просьбами исполнить песню про то, как речка «движется и не движется».

В июле 1957 года Москва встречала VI Всемирный фестиваль молодёжи и студентов, в рамках которого был предусмотрен международный песенный конкурс.

Композитор Соловьёв-Седой и поэт Евгений Долматовский представили свою новую песню «Если бы парни всей земли» в исполнении Марка Бернеса. А в концертных залах фестиваля исполнялись и другие советские песни, в том числе «Подмосковные вечера». За неё-то композитор, неожиданно для себя, и получил Большую Золотую медаль фестиваля.

30 тысяч участников из более чем 100 стран мира, покидая Москву, увозили в сердцах простую, но такую сердечную мелодию «Подмосковных вечеров». Это стало началом международного триумфа русской песни, которую переводили, пересказывали, сочиняли собственные тексты на понравившуюся мелодию. Она начала звучать на разных языках в передачах Иновещания Московского Радио в прекрасном исполнении Владимира Трошина.

Мемориальная табличка на стене дома №15/25 в переулке Сивцев Вражек в Москве, где была написана песня «Подмосковные вечера»

Составляя этот сборник, некоторые тексты пришлось записывать на слух со старых плёнок, так как они никогда не публиковались. Многие убеждены, что «Подмосковные вечера» — это русская народная песня. Более высокой оценки для авторской песни быть не может.

Весной 1958 года в столице проходил Первый Московский международный конкурс им. П. И. Чайковского, на котором высшую награду получил молодой американский пианист Ван Клиберн. Как-то, гастролируя в Москве, он зашел в Дом композиторов, чтобы отдохнуть в

Пианист Ван Клиберн

кругу коллег, послушать новые и старые песни, поимпровизировать. Шутки ради Соловьёв-Седой, сыграв с ним для разминки какой-то вальс, перешёл к «Подмосковным вечерам». Мелодия Клиберну так понравилась, что он исполнил её в своем фортепианном изложении на заключительном концерте гастролей — исполнил под громовые овации зала.

В 1964 году в Италии на песенном конкурсе «Napoli contro tutti» / «Неаполь против всех», где в течение тринадцати недель на сцене театра «Делле Витторио» шло соревнование лучших песен мира, лауреатом стал украинский певец Анатолий Соловьяненко (лирико-драматический тенор), исполнивший песню «Подмосковные вечера» на итальянском языке («Le serate a Mosca»).

И в том же году мелодия «Подмосковных вечеров» стала позывными вновь созданной радиостанции «Маяк».

Годом позже был снят мультфильм «Песня летит по свету» (режиссёр А. Каранович), в котором звучат фрагменты переводов песни «Подмосковные вечера» на другие языки.

Очень скоро название песни стало настоящим брендом. Чего только не выпускали под этим именем — одеколон, духи, пудру, мыло, сигареты, конфеты...

В 1980 году Всемирная служба Московского радио на английском языке

решила выяснить, какие русские песни наиболее популярны среди зарубежных слушателей. Жители Австралии, Англии, Африки, Канады, США и Юго-Восточной Азии назвали три песни: «Калинка», «Катюша» и «Подмосковные вечера».

Существует множество аранжировок этой песни в различных жанрах. Известный джазмен Кенни Болл (Kenny Ball) ещё в 1961 году перед отлётом в Лондон случайно услышал по радио песню в исполнении венгерского ансамбля и тут же набросал мотив на обороте авиабилета. Позже он сделал джазовую версию знаменитой к тому времени мелодии.

И ныне песня «Подмосковные вечера» продолжает жизнь в исполнении певцов разных стран мира. Она стала не просто народной, она стала всенародной.

ПОДМОСКОВНЫЕ ВЕЧЕРА

*Не слышны в саду даже шорохи.
Всё здесь замерло до утра.
Если б знали вы, как мне дороги
Подмосковные вечера.*

*Речка движется и не движется,
Вся из лунного серебра.
Песня слышится и не слышится
В эти тихие вечера.*

*Что ж ты, милая, смотришь искоса,
Низко голову наклоня?
Трудно высказать и не высказать
Всё, что на сердце у меня.*

*А рассвет уже всё заметнее.
Так, пожалуйста, будь добра,
Не забудь и ты эти летние
Подмосковные вечера.*

Подмосковные вечера.

Музыкальная партитура для гитары и метронома. Партитура включает четыре системы нот, каждая с двумя станами: верхний — для гитары (Guitar), нижний — для метронома (Metronom). Музыка написана в 2/4 такте. В начале партитуры и перед каждой системой нот указаны динамические обозначения: *p* (piano) и *mf* (mezzo-forte). В конце партитуры есть знак *ff* (fortissimo). В начале второй системы нот (такт 5) и перед третьей системой (такт 9) указаны номера тактов: 5 и 9. В начале четвертой системы нот (такт 13) указан номер такта: 13.

КЛЯКСА

Я расскажу вам про Федю Рыбкина, о том, как он насмешил весь класс. У него была привычка смешить ребят. И ему было всё равно: перемена сейчас или урок. Так вот. Началось это с того, что Федя подрался с Гришей Копейкиным из-за флакончика туши. Только если сказать по правде, то никакой драки тут не было. Никто никого не бил. Они просто вырывали друг у друга из рук флакончик, а тушь из него выплеснулась, и одна капля попала Феде на лоб. От этого на лбу у него получилась чёрная клякса величиной с пятак.

Сначала Федя рассердился, а потом он увидел, что ребята смеются, глядя на его кляксу, и решил, что это даже лучше. И не стал смывать кляксу.

Скоро зазвонил звонок, пришла Зинаида Ивановна, и начался урок. Все ребята оглядывались на Федю и потихоньку смеялись над его кляксой. Феде очень нравилось, что он одним своим видом может смешить ребят. Он нарочно сунул палец в флакончик и измазал нос тушью. Тут уж никто без смеха не мог на него смотреть. В классе стало шумно.

Зинаида Ивановна сначала никак не могла понять, в чём тут дело, но она скоро заметила Федину кляксу и даже остановилась от удивления.

— Это чем ты лицо испачкал, тушью? — спросила она.

— Ага, — кивнул головой Федя.

— А какой тушью? Этой?

Зинаида Ивановна показала на флакончик, который стоял на парте.

— Этой, — подтвердил Федя, и рот его разъехался чуть ли не до ушей.

Зинаида Ивановна надела на нос очки и с серьёзным видом осмотрела чёрные пятна на лице Феде, после чего сокрушённо покачала головой.

— Напрасно ты это сделал, напрасно! — сказала она.

— А что? — забеспокоился Федя.

— Да, видишь ли, тушь эта химическая, ядовитая. Она разъедает кожу. От этого кожа сперва начинает чесаться, потом на ней вскакивают волдыри, а потом уже по всему лицу идут лишай и язвочки.

Федя перепугался. Лицо у него вытянулось, рот сам собою открылся.

— Я больше не буду мазаться тушью, — пролепетал он.

— Да уж думаю, что больше не будешь! — усмехнулась Зинаида Ивановна и продолжила урок.

Федя поскорей принялся стирать пятна туши носовым платком, потом повернул своё испуганное лицо к Грише Копейкину и спросил:

— Есть?

— Есть, — шёпотом сказал Гриша.

Федя снова принялся тереть лицо платком, но чёрные пятна глубоко въелись в кожу и не стирались.

Гриша протянул Феде ластик и сказал:

— На вот. У меня есть замечательная резинка. Потри попробуй. Если она тебе не поможет, то пиши пропало.

Федя принялся тереть лицо Гришиной резинкой, но и это не помогло. Тогда он решил сбежать умыться и поднял руку. Но Зинаида Ивановна, будто нарочно, не замечала его. Он то вставал, то садился, то приподнимался на цыпочки, стараясь вытянуть руку как можно выше. Наконец Зинаида Ивановна спросила, что ему нужно.

— Разрешите мне пойти умыться, — попросил жалобным голосом Федя.

— А что, уже чешется лицо?

— Н-нет, — замылся Федя. — Кажется, ещё не чешется.

— Ну, тогда посиди. На перемене успеешь умыться.

Федя сел на место и снова принялся тереть лицо промокашкой.

— Чешется? — озабоченно спрашивал Гриша.

— Н-нет, кажется, не чешется... Нет, кажется, чешется. Не разберу, чешется

или не чешется. Кажется, уже чешется! Ну-ка, посмотри, нет ещё волдырей?

— Волдырей ещё нет, а вокруг уже всё покраснело, — шёпотом сказал Гриша.

— Покраснело? — испугался Федя. — Отчего же покраснело? Может быть, уже волдыри начинаются или язвочки?

Федя снова стал поднимать руку и просить Зинаиду Ивановну отпустить его умыться.

— Чешется! — хныкал он.

Теперь ему было не до смеха. А Зинаида Ивановна говорила:

— Ничего. Пусть почешется. Зато в другой раз не станешь мазать лицо чем попало.

Федя сидел как на иголках и всё время хватался за лицо руками. Ему стало казаться, что лицо на самом деле стало чесаться, а на месте пятен уже начинают вздуваться шишки.

— Ты лучше не три, — посоветовал ему Гриша.

Наконец прозвонил звонок. Федя первым выскочил из класса и во всю прыть побежал к умывальнику. Там он всю перемену тёр лицо мылом, а весь класс над ним потешался. Наконец он начисто оттер пятна туши и целую неделю после того ходил серьёзным. Всё ждал, что на лице волдыри вскочат. Но волдыри так и не вскочили, а за эту неделю Федя даже разучился на уроках смеяться. Теперь смеётся только на переменах, да и то не всегда.

Ошибки

В книге «Маугли» Редюард Киплинг показал нравы животных, которые царили в Индии в начале прошлого века.

В образе Винни-Пуха английский мультипликатор А. А. Милн высмеял всех-всех-всех.

В романе «Пятнадцатилетний капитан» Жюль Верн в образе Негоро ярко рисует портрет Себастьяна Перейры.

Дон Кихот всегда брал Санчо Пансу с собой, не смотря даже на его толстое пузо.

В сказке «Волшебный котелок» девочка не могла вспомнить заклинание, и котелок у неё не варил.

Великий французский писатель Антуан Экзюпери в своём бессмертном произведении Маленький принц высказал удивительно мудрую мысль: Мы в ответе за тех, кого придумали...

Гамлет сумел притвориться умалишённым, а Офелия не сумела.

Джек Лондон часто воспевал волков и китов, а людям отводил роль золотоискателей.

Джувьетта благодаря своему воспитанию покончила жизнь самоубийством после смерти возлюбленного.

ЧУДЕСА

Геннадий Киселёв

по расписанию

Стоит с Никитского бульвара свернуть на Большую Никитскую улицу, как перед вами, ребята, предстанет сказочный театр, увитый красным кирпичным кружевом. Называется это чудо — Театр Маяковского. Ну и что же тут чудесного? Театров-то в Москве считать, не пересчитать. Не торопитесь, друзья. Арифметикой и математикой будем заниматься на уроках. А пока заглянем в круглые мансардные окошки, что украшают это здание. Именно за ними происходят самые настоящие чудеса по расписанию. Но об этом чуть позже.

Появилось это здание на старинной московской улице сто тридцать лет тому назад!

Да-да, ребята. Именно тогда его возвели для того, чтобы в нём выступали лучшие актёрские труппы со всей Европы. И москвичи наслаждались игрой великих актрис того времени: Сары Бернар и Элеоноры Дузе. Только тогда называлось это чудо «Парадиз». Что в переводе с греческого языка означает — «Рай».

В октябре 1917 года в стране пришли к власти большевики. В 1922 году театр поручили возглавить главному театральному бунтарю страны — Всево-

луду Мейерхольду. И чудо обрело новое звучное имя: Театр Революции.

Революцию большевики совершали на улицах. А революция Мейерхольда происходила в стенах театра. Режиссёр решительно отказался от предметов старого мира и быта на сцене. Ему не нужна была жизненная достоверность в игре актёров, как это происходило, скажем, в Московском Художественном театре. На сцене нового театра не было даже мебели. Её заменили футуристические конструктивистские декорации, представляющие собой геометрические фигуры. Школа переживания уступила место системе «биомеханика», попросту говоря, школе движения. Великим русским комиком Игорю Ильинскому, Эрасту Гарину пришлось учиться играть в другой манере, отличающейся от психологических приёмов, принятых в русском театре. Недаром любимым и желанным драматургом театра стал другой ниспровергатель старого мира, поэт Владимир Маяковский с его знаменитым призывом «Левой, левой, левой!» В 1954 года его именем назвали театр.

В 1943 году его возглавил бывший актёр театра Мейер-

хольда Николай Охлопков. И всё вернулось «на круги своя». В поставленном им спектакле «Гамлет» принца Датского играли знаменитые русские артисты: Евгений Самойлов, Михаил Казаков. А великая русская актриса Мария Бабанова исполняла почти все главные роли в театре. Но театр — вещь сложная. И в нём случаются житейские и творческие казусы.

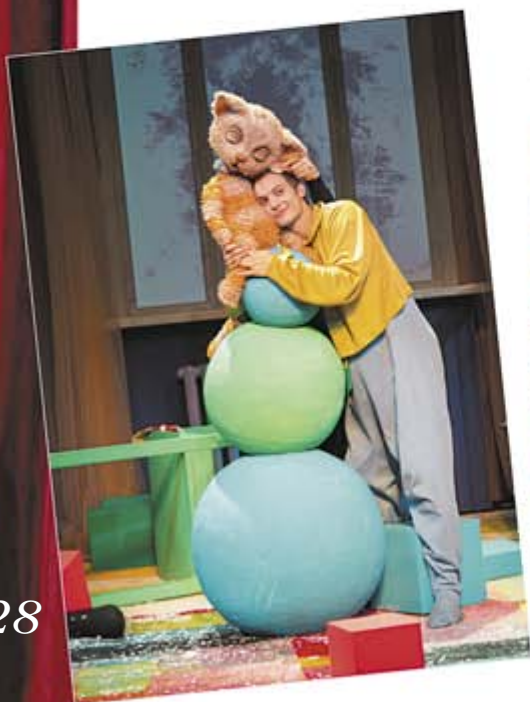
Бабанова привела в театр свою ученицу Татьяну Карпову. У них были прекрасные отношения: студентка часто гостила у примы дома, и та делилась с ней секретами профессии. Однажды Бабанова заболела прямо накануне премьеры. Пришлось вводить на её роль Карпову. Огромный текст молодая артистка выучила за три

часа и вечером отыграла премьеру. Её ждал невероятный успех, её заметили, ей была вручена высшая премия — Сталинская. После этого рокового случая великая Бабанова уже не принимала Карпову у себя дома. Для обеих этот случай стал травмой и навсегда остался в памяти. Недавно Татьяна Карпова со всей труппой Театра Маяковского отметила своё 100-летие, но тот случай до сих пор остался в её памяти.

Настоящей эпохой в театре на все времена стал его бессменный руководитель, гениальный режиссёр и педагог — Андрей Гончаров, воспитавший целое поколение ярких артистов: Наталью Гундареву, Светлану Немоляеву, Александра Лазарева, Армена Джигарханяна, Игоря Костолевского. По сию пору ученики вспоминают

ныне ушедшего от нас великого мастера с трепетом и восхищением. Его мощная статная фигура как будто до сих пор бродит в стенах этого театра. А в семидесятые, девяностые годы прошлого века на его спектакли невозможно было достать билеты. Каждый вечер театр ломился от зрителей. Даже у своих работников порой не было возможности попасть на премьеру. Случалось, по вечерам конная милиция охраняла театр от огромного наплыва любителей его творчества.

Сегодня у Театра Маяковского новый художественный руководитель — Миндаугас Карбаускис. Особое внимание режиссёр обратил на подрастающее поколение зрителей. В театре появились три прекрасных детских спектакля: «Мама-кот», «Малыш и кот» и «Фабрика слов».

Об этой удивительной постановке хочется рассказать, ребята, отдельно. «Фабрика слов» — это страна, в которой, прежде чем произнести какое бы то ни было слово, его нужно сначала купить. Здесь огромный разброс цен и, чтобы составить предложение, необходимо целое состояние. Рассказ современной сказочницы Аньес де Лестрад для самых маленьких зрителей — о значимости каждого слова. Жёсткий индустриальный мир, в котором нельзя произнести ни одной буквы, не приобретя её предварительно в магазине, полон расточительных богачей, щедрых на деепричастные обороты, и экономных бедняков, с трудом наскребающих на существование первой необходимости. Зажиточный, вороватый директор фабрики и его сын обладают огромным богатством и словарным запасом, а бедный мальчик Филеас должен довольствоваться малым, чтобы признаться девочке в своих чувствах. Когда ценно каждое слово, ещё яснее становится, как дорого то, что за этим словом стоит: любовь, доброта, отзывчивость, преданность, верность. Спектакль немногословный, наполнен живой музыкой. Как маленькому мальчику рассказать девочке о своей любви, если у него в запасе всего несколько слов? Спектакль рассказывает, что самые настоящие чувства всегда смогут найти своё выражение, пусть даже оратор не очень богат.

Представляете, ребята, каким богатством с рождения вы обладаете. Не растеряйте его на своём жизненном пути. Постоянно пополняйте свою словарную сокровищницу. Это не так сложно, как может показаться. Постоянно читайте книги. Вдыхайте в себя неповторимый аромат авторских слов. Никакой самый навороченный компьютер в мире не передаст вам этого чудесного общения с живым словом, напечатанным на листе бумаги.

Да, я же обещал вам рассказать о театральном расписании, которое не менее чётко и строго определяет жизнь театра, нежели школьное. Ведь в этом театре живут и работают четыреста человек. В столярном цехе изготавливают необходимую мебель и декорации, чтобы с раннего утра монтировщики установили всё это для очередной репетиции. Радисты настраивают аппаратуру. В пошивочном цехе шьются костюмы, их передадут костюмерам, чтобы те разнесли по гримёркам. Вечером артисты будут в них облачаться для выхода на сцену. К семи часам зал полон. Раздаётся третий звонок. Вежливый голос просит всех отключить мобильные телефоны. Звучит увертюра, занавес раздвигается и...

На этом я заканчиваю свой рассказ, ребята. Сейчас начнётся великое таинство — рождение спектакля. Но это вам лучше всего увидеть собственными глазами.

ИЗ БАБУШКИНОГО
СУНДУКА

Тобольская резная кость

Тобольская резная кость — русский народный художественный промысел в городе Тобольске. Изделия тобольской резной кости известны с начала XVIII века, русский косторезный промысел возник во второй половине XIX века. Традиционные изделия тобольской резной кости — миниатюрная скульптура, преимущественно из мамонтовой кости на темы жизни народов Севера. Скульптура отличается обобщённостью форм, декоративностью, умелым использованием природных свойств материала.

ПУТЕШЕСТВИЕ
ВО ВРЕМЕНИ

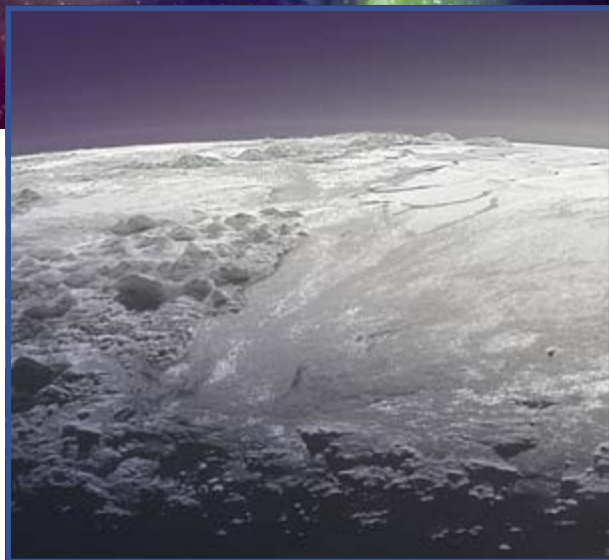
История девятой планеты

Те, кто не прогуливал в школе уроки астрономии, знали, что у Солнца 9 планет: Меркурий, Венера, Земля, Марс, Юпитер, Сатурн, Уран, Нептун и Плутон. Но Плутон был планетой до 2006 года, когда Международный астрономический союз разжаловал его в малые планеты. Осталось восемь планет. Плутон и в самом деле очень маленький — меньше Луны. Кроме того, на похожих орбитах вращаются ещё несколько сравнимых размерами с Плутоном карликовых планет: Хаумеа, Макемаке, Эрида и др.

За орбитой Нептуна находится так называемый пояс Койпера, область, наполненная большими (а иногда очень большими) осколками льда. По современным оценкам, в нём около 70 000 объектов диаметром больше 100 км — представьте себе летящий айсберг размером с Бельгию. Некоторые из них, возможно со временем, тоже получают статус карликовых планет. За пределами пояса Койпера астрономы из Калифорнийского технологического института открыли ещё одну «девятую» планету. Они объявили об этом 20 января 2016 года. Открыта планета была так же, как Нептун и Плутон, на «кончике пера», т.е. предсказана по возмущениям орбит других планет. Эта планета примерно в 10 раз массивнее Земли, расположена от Солнца в 20 раз дальше, чем Нептун, и имеет период обращения около 15 000 земных лет. Наблюдать её сейчас невозможно даже с помощью Хаббла из-за большой её удаленности, но со временем её обязательно увидят, дадут ей имя и в Солнечной системе снова будет 9 настоящих планет.

Космические планы России

1 января 2016 года в Роскосмосе произошла очередная большая реорганизация. К сожалению, от перемены мест руководящих персон самой космонавтике лучше не стало. Тем более что заодно был

Закат на Плуtone. Снимок сделан пролетевшим мимо автоматическим зондом New Horizons

сокращён бюджет. Поэтому все перспективные разработки (например лунная база) были отодвинуты на неопределённый срок. Основной задачей стало обеспечить выживание действующих проектов. Самый важный из них, наверное, космодром Восточный. В конце апреля состоялся долгожданный первый старт. На орбиту выведено 3 спутника.

Продолжается сотрудничество с европейской космонавтикой. 14 марта 2016 года был успешно запущен корабль в рамках совместного проекта «Экзомарс». Будут отрабатываться схемы посадки на Красную планету. До Марса корабль долетит в октябре. Так что следите за новостями от Роскосмоса.

Многоразовые ракетносители

22 декабря 2015 года в корпорации Спейс ИКС, основанной в 2002 году Эло-

Первый старт на Восточном

ном Маском, был праздник. Впервые благополучно возвратили стартовую ступень корабля Фалькон-9. До этого было несколько аварийных попыток.

Вообще Элона Маска уже сейчас можно назвать «пионером космоса». Он первым вернул стартовую ступень ракеты, первым вывел на орбиту частный корабль, построил первый частный космодром. Но главным он считает создание многоразовых ракет-носителей. До сих пор частично многоразовыми были только американские «Челноки». Задумывали их в эпоху беспредельного оптимизма по поводу космонавтики. Их задачей было поднимать на орбиту ежегодно до 800 тонн грузов и 400 тонн возвращать на землю. Но такие объёмы оказались никому не нужны — на землю вообще возвращались только сами космонавты. Именно из-за этого гигантского неиспользуемого ресурса Челноки оказались убыточны. Дешевле оказалось летать на традиционных одноразовых ракетах. Но если Спейс ИКС добьется стабильного возвращения и повторного использования первой ступени, то, по предварительным оценкам, стоимость запуска уменьшится в 10 раз. И это станет самым настоящим прорывом в космонавтике!

Как стать космонавтом

Сейчас это уже не так престижно, как 50 лет назад, когда космонавтами хотели стать все поголовно. Но это и правильно — плохо когда в профессию идут только ради сопутствующей славы.

Во-первых: надо хорошо учиться, быть спортивным, уметь эффективно работать в условиях психологических нагрузок. Уже будучи студентом ВУЗа, можно подать заявку на включение в отряд космонавтов. В отряд набирают 20 человек. Еще 5 лет тренировок в Центре подготовки космонавтов — и есть шанс полететь в космос. До 2008 года Центр подготовки был военным учреждением (соответственно все космонавты тоже). Но сейчас космонавты могут иметь и гражданские специальности: 1) космонавт-испытатель (он же пилот корабля) — как правило, военный лётчик; 2) космонавт-инженер занимается обслуживанием техники; 3) космонавт-исследователь может быть врачом, биологом или физиком.

Основные ВУЗы, готовящие космонавтов, — МАИ и МВТУ им. Баумана. Кроме них, в стране есть ещё около 15, выпуска-

Элон Маск рядом со своим кораблём

ющих таких специалистов. Но готовиться можно заранее: в Москве есть несколько школ с аэрокосмическим уклоном. Собираются открыть такую же школу в Перми.

Космос и кино

В последние годы выходило довольно много фильмов о космонавтике. Но мы сосредоточимся на таких, которые рассказывают о космосе что-то новое и осмысленное. Заведомо не будут упоминаться многочисленные поделки типа «нашествие зомби с лазерными мечами из галактики Центавра».

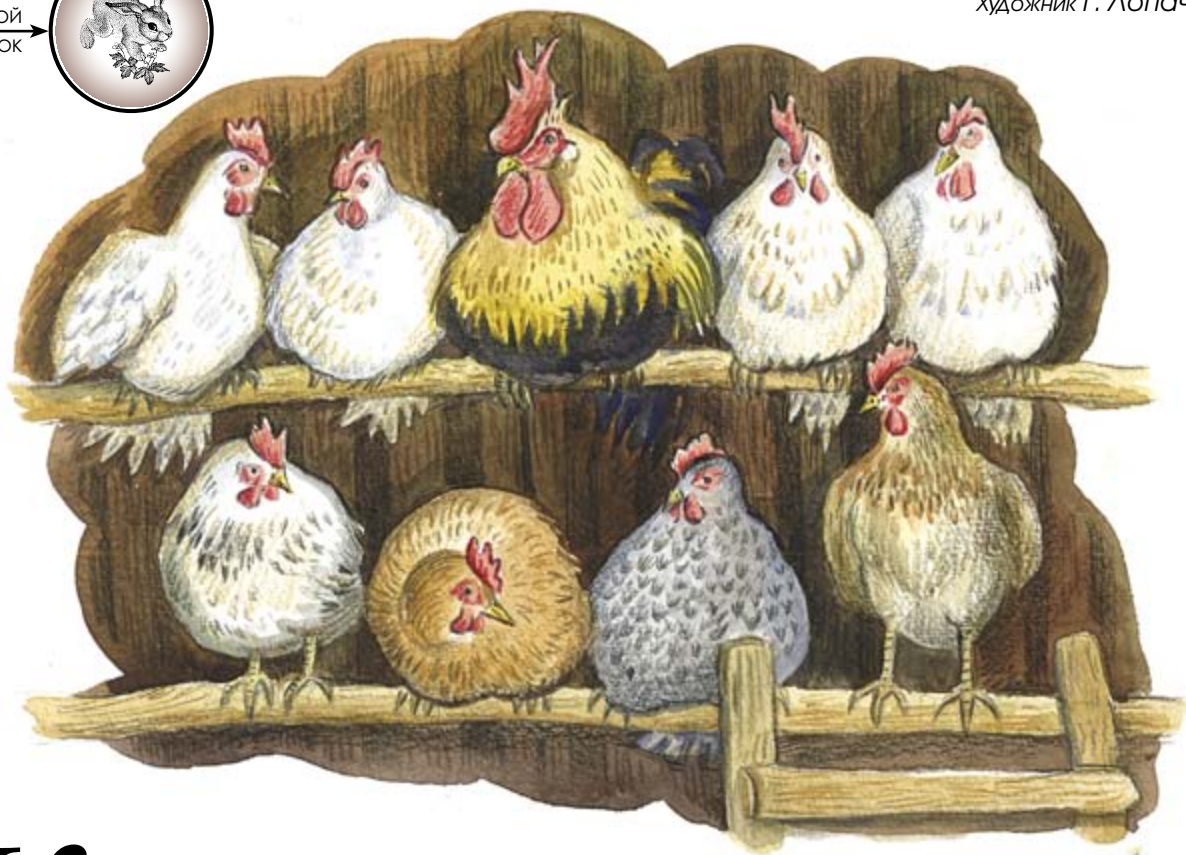
«Марсианин». 2015. США. За исключением нескольких специально сделанных ради драматизма искажений фильм представляет собой довольно реалистичное изображение марсианского путешествия, что не удивительно — ведь консультантом картины был настоящий сотрудник НАСА.

«Байконур». 2011. Германия, Россия, Казахстан. С распадом СССР заметная часть советского космоса оказалась за границей в Казахстане. Что с ней происходит, вы узнаете из этого фильма.

«Первые люди на Луне». 2010. Великобритания. Конечно же это сказка, но сказка очень изящно стилизованная, к тому же придуманная корифеем этого жанра Гербертом Уэллсом.

Кадр из фильма «Первые люди на Луне» 2010 года

Как куры спят

Солнце село за дальний лес, и сейчас же по земле растеклись вечерние сумерки, однако вокруг ещё хорошо видно, потому что небо оставалось по-прежнему высоким и светлым.

Жара заметно спала, прохладный ветерок шелестел листвой деревьев, стоявших возле дома. Сильно пахло мятой от вечерней росы, и комары и мошки кружили над сидевшей на крыльце Надей.

Лужок перед домом опустел, домашние птицы исчезли. Это удивительно.

Куда бабушка загнала козу с козлёнком, Надя видела, а вот куда подевались куры и петух, индюшка и гуси, Надя не знала.

Она пошла в горницу, спросить об этом бабушку.

Бабушка, сидя на табурете, разговаривала с молодой женщиной Настей, живущей по соседству. Надя подёргала за бабушкину кофту и зашептала ей на ухо. Бабушка не расслышала.

— Что, внученька?

— Ну что ты, бабушка! Я спрашиваю, где куры.

— Да они спят уже.

— Так рано?

— Они всегда так. Как солнышко закатится, так они и отправляются спать. А с восходом все просыпаются.

— Где же их место для сна?

— На насесте в сарае.

Большой сарай был построен позади избы и одной своей стороной примыкал к сеним. Надя направилась в сени и в полумраке нашла дверь с прямоугольной дырой внизу, через которую в прошлый раз удрали куры. Повернув щеколду, она приотворила дверь и очутилась в большом сарае. Его широкие двустворчатые ворота, в которые вполне могла въехать телега, были затворены, но сквозь щели проникал вечерний свет и растворял тихую устоявшую темноту.

Надя постояла на ступеньке короткой лестницы, приглядываясь. Скоро её зоркие глаза разглядели в конце сарая при-

стройку с плоской крышей и решётчатой дверцей. Там ночевала коза с козлёнком. «Это их домик», — решила девочка. Вверху, под крышей она увидела три толстые жерди, расположенные одна над другой. На двух верхних разместились куры. Петух сидел на верхней жерди посередине, нахохлившись, белые крупные куры разместились по бокам, прижавшись одна к другой. Ещё ряд кур сидел на нижней жерди, под петухом.

К плоской крыше козьего домика была приставлена высокая лестница, по которой куры взбирались на ночлег. «Как же они там сидят? — подумала Надя. — Это же неудобно. Была бы доска. А то круглая палка. Нет, неудобно».

Но чтобы окончательно удостовериться в своем выводе, полезла по лестнице посмотреть. Как только она поднялась над плоской крышей козьего домика, откуда бабушка снимала куриные яйца, куры всполошились, приподнялись на своих лапках и закудахтали. Петух громче всех.

— Ко-ко-ко!

Наде послышалось, что он её спрашивает: «Кто-кто-кто?»

И она представилась, поднявшись ещё на одну ступеньку;

— Это я, Надя. Бабушкина внучка.

Петух почти в отчаянии закричал:

— Ко-ко-ко!

— Да я, Надя. Вот слепой!

— Ко-ко-ко! — грозно взывала птица, вытянув навстречу Наде голову с раскрытым клювом, подавшись вперёд.

Наде показалось, что он вытянул шею с топорщимися перьями, чтобы лучше слышать. И сказала громко:

— На-дя! Глухой, что ли? Сейчас я повыше влезу.

Только она поднялась ещё на одну ступеньку, как куры, все до единой, закричали ещё громче, захлопали крыльями и вместе с петухом слетели вниз.

Девочка от страха зажмурилась и крепко вцепилась в ступеньку, чтобы не свалиться. Она решила, что куры её будут клевать. Однако куры нападать на неё не стали, они метались по сараю, отчаянно кудахтача.

Надя рассердилась, стала их стыдить:

— Раскудахтались! Подумаешь! Я, может, в гости к вам хотела. Успокойтесь, пожалуйста! Я посижу на жердочке и слезу.

Она дотянулась до первой жерди, вцепилась в неё, подтянулась, и лишь перенесла свое тельце на жердочку, как что-то хрустнуло. Жердь перестала её удерживать, и девочка полетела вниз.

Она упала на крышу, покрытую соломой, крыша проломилась. Надя по самым плечи провалилась в козий домик. Вися на раздвинутых локтях, испуганная, оцарапанная девочка блажила во весь голос:

— Бабушка, родненькая, спаси! Бабушка, да куда же ты подевалась?!

Раздался стук бегущих ног, это что есть мочи бежала бабушка. Оказавшись в сарае, она ничего не могла увидеть своими подслеповатыми глазами.

— Надя, ты где?

— Я сейчас упаду.

— Да где ты? Не вижу.

— Я падаю.

— О, господи! Где же ты?

— Да здесь висю. Меня коза бодает, — кричала Надя, дрыгая ногами, и от этого всё ниже и ниже опускалась в домик.

Наконец, бабушка догадалась, пролезла в закуток, обхватила Надю поперёк тела, и девочка тотчас же оказалась на земле, подле бабушки.

Куры и петух кудахтали, напуганные козы блеяли, ободранная Надя плакала, а взволнованная бабушка бранилась.

— Ну что ты за ребенок такой непоседливый. Зачем тебя туда занесло?

— Посмотреть хотела.

— Чего посмотреть?

— Как куры спят.

— Непоседа ты моя, непоседушка! — Бабушка за руку повела Надю в избу.

Вяжищи

Есть селения, расположенные в низинах, есть селения на возвышенностях. Вяжищи (то есть, переводя на современный язык, «Вязкие места») в Новгородском районе Новгородской области отличаются от тех и других — стоят они на самом краю болота и постепенно сползают туда.

Процесс этот длительный, вековой. Иначе бы деревня давно ушла в болото и исчезла. Но почти все дома в деревне покосились и смотрят в сторону болота. Никуда не движется только монастырь, стоящий в центре деревни.

Никола-Вяжищский монастырь сверкает на солнце бесчисленными изразцами, которыми украшены главный Никольский собор и другие строения. Толстые каменные стены, густо побелённые, на солнце светятся ещё ярче. Благодаря им монастырь видно издалека. Он возвышается над окружающими деревню лугами, над которыми летом поют жаворонки. Деревня словно прячется за спиной монастыря.

Никольский монастырь, созданный в XV веке, строился московскими мастерами и выглядит как столичный. Когда-то он и вправду был для своих мест важным пунктом: в нём жили новгородские архиепископы. Из Софийского собора, из Новгородского кремля они добирались сюда на санях или в возке за час-другой. Отсюда архиепископы правили епархией, здесь встречали дорогих гостей.

Нынче монастырь такой официальной роли уже не играет. Наверное, изредка и теперь приезжает сюда церковное начальство, но в остальное время монастырь и округа погружены в молчание, которым так дорожат монашествующие (сейчас монастырь женский). Молчание это нарушают по вечерам дергачи-коростели, которых много живёт на лугах, жаворонки, да летом — дачники. Автобус приходит в деревню пару раз в день, а ближайшая железнодорожная станция «Вяжище» находится в нескольких километрах.

На эту станцию мы и прибыли из Петербурга, когда решили осмотреть здешние места. С одной стороны к станции прилегает огромный промышленный район, часть Великого Новгорода. Там высятся молчаливые заводские корпуса, регулярно ходят городские рейсовые автобусы. За четверть часа они домчат вас прямо в центр, к стенам кремля, музеям и кафе. А с другой стороны открывается огромный луг, по которому идёт совершенно пустая асфальтовая дорога в Вяжищи. Дорога эта тупиковая — она кончается в соседней деревне Болотной, за которой и начинается огромное болото. В центре болота лежит озеро Вяжицкое. Из него вытекает речка Веряжа, которая впадает в озеро Ильмень.

Первым из строений монастыря вы увидите Никольский собор — он построен в конце XVII века, при царе Алексее Ми-

хайловиче. Это высокий двухярусный храм-корабль, который как бы плывёт над лугами, высоко вознося свои пять глав с зелёными куполами. В соборе хранятся мощи святителя Евфимия, новгородского монаха и архиепископа, которого почитают по всей Руси, особенно в северных землях. Другая святыня монастыря — старинная чудотворная икона святого Николая — хранится сейчас в Успенском соборе Московского Кремля.

Путеводители отдельно упоминают многочисленные изразцы, украшающие монастырь. До сих пор неизвестно, где их изготовили — в Новгороде, в Москве или ещё где-нибудь. Фон на изразцах зелёный, изображённые там звери — единороги, птицы, львы — белые, детали — коричневые, синие или жёлтые. Специалисты, искусствоведы и художники, удивляются и другому чуду — фрескам, написанным снаружи прямо по кирпичам в верхней части Никольского собора. По всем законам с голых кирпичей краска давно должна была слезть, однако святые лики по прежнему светятся. Из-за неровностей кирпичной кладки фигуры кажутся как бы выходящими из стены, объёмными, возникает стереоэффект.

Но, несмотря на такой «столичный» уровень культурных ценностей Вяжищ и архитектурную мощь монастырских строений, жизнь монастырь ведёт сельскую. Монахини и помогающие им трудницы гребут сено, ухаживают за скотом. Кроме ярких и аккуратных цветников, какие разбиты во всех женских монастырях, монастырь имеет огороды. Во владениях монастыря находится около 50 гектаров земли: пашни, пастбища, сенокосные угодья. И, несмотря на кажущуюся тишину, работа идёт здесь ежедневно, особенно в летнюю пору, как и у обыкновенных, мирских крестьян.

Поэтому как следует понять дух места, «вжиться в Вяжищи» можно, наверное, только если приехать сюда трудиться. А для праздных туристов вроде нас занятий в Вяжищах всё-таки маловато. Храмы чаще всего закрыты, никакой туристической «инфраструктуры» нет: на воротах висит объявление о том, что фото и видеосъёмка платные, но заплатить деньги некому. В маленькой деревне нет ни кафе, ни ларька с сувенирами, на которые так падки путешественники. Туристам остаётся только любоваться цветниками и разглядывать прекрасные изразцы, украшающие здания

монастыря. А рядом — большой город, который манит своими достопримечательностями, развлечениями, комфортом. И мы, как многие другие туристы, не задержались в Вяжищах надолго. Пешком добрались обратно на станцию, от станции — в промзону, где сели на рейсовый городской автобус. Мы только прикоснулись к тайне здешней красоты, но отнюдь не разгадали её.

А ведь Великий Новгород окружён целым кольцом древних монастырей, и у каждого — свои тайны. Почти никаких следов не осталось от Савво-Вишерского монастыря, и пустующая земля ждёт своих церковных и гражданских археологов, историков, строителей. Лучше всего известны туристам Юрьев и Антониев монастырь, которые сейчас находятся в черте города, один на его южной окраине, другой — на северной. Оба стоят на берегу Волхова. Со всей России едут паломники в пригородный Варлаамо-Хутынский монастырь (мы писали о нём в «Уголке России» в номере 5 за 2013 год). Он, пожалуй, находится сейчас в самом лучшем состоянии. А вот Вяжищскому и Клопскому монастырю повезло меньше (оба они, кстати, стоят на речке Веряже, один у болотистого истока, другой возле устья). Клопский монастырь, хотя его и начали недавно восстанавливать, по сей день привлекает путешественников древними руинами, придающими ему экзотический колорит.

В Вяжищах нет живописных руин, по которым можно полазить с риском для жизни. Там идёт строгая, незаметная и неинтересная для постороннего глаза монашеская жизнь. Но, может быть, в этом и содержится его главная тайна? Может быть, поэтому здесь и нет никакой «инфраструктуры» для туристов? Тем, кто действительно занят своим духовным здоровьем, не нужны киоски и кафе, кинотеатры и аниматоры. Им нужна тишина, молчание, сосредоточенность, физический труд, свежий воздух.

Всё это Вяжищи предоставляют любому желающему (точнее, любой, поскольку монастырь женский), при этом не требуется забираться в далёкие дебри, лезть в горы, плыть на остров. Достаточно доехать до Новгорода и сесть на пригородный автобус. Конечно, предварительно договорившись с игуменьей монастыря, если у вас есть серьёзное намерение потрудиться для своей и монастырской пользы.

Здравствуй, дорогая «Детская Роман-газета»! Меня зовут Дьячков Святослав, мне 9 лет, живу в Москве. Я очень люблю читать Ваш журнал. Я написал первый мой рассказ. Для меня очень важно Ваше мнение.

ДРУЖБА

Жил я в деревне со своей собакой Миней. Однажды мы собрались в лес погулять, а заодно и грибы собрать. Пришли в лес. Миня не отходил от меня: видно, боялся. А потом я отвернулся — смотрю, собаки-то нет! Потом услышал громкий лай и пошёл в ту сторону, откуда лай раздавался. Пришёл и смотрю: стая волков напала на Миню. Я со всех ног побежал домой за ружьём. Прибежал, позвал Миню — волки за ним, хорошо, что я отлично стреляю, а иначе и мне не поздоровилось бы. Перестрелял их всех, и мы с Миней пошли домой. Идём, идём, и вдруг я провалился в глубокую яму. Миня побежал звать моего самого лучшего друга Дениса. Когда Денис понял, в чём дело, он позвал мужиков, и меня вытащили. Так и живём мы с Миней: то я его спасаю, то он меня.

Как Лисе удалось
забраться в курятник.

НАШ ВЕРНИСАЖ

Рисунки Маши Ивановой, г. Москва, 8 лет

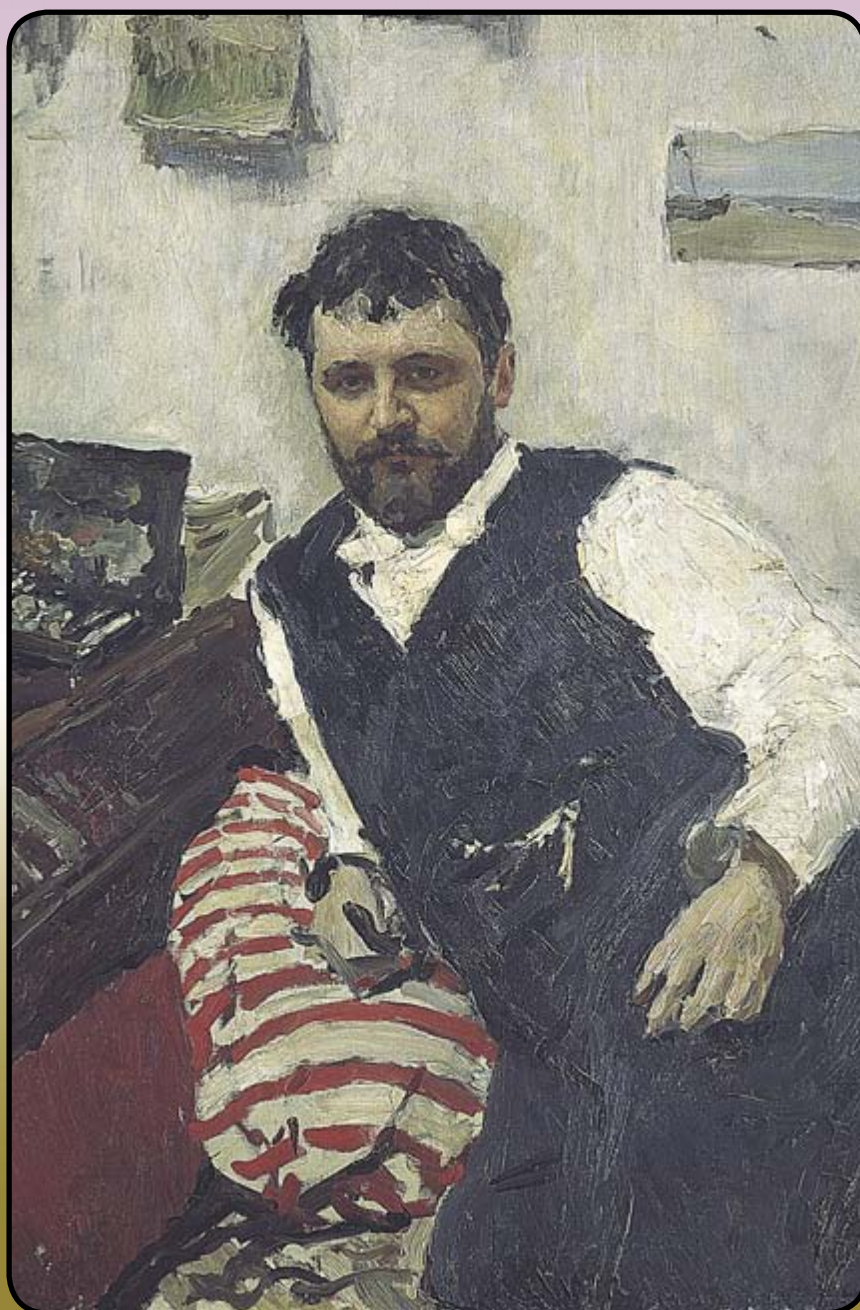

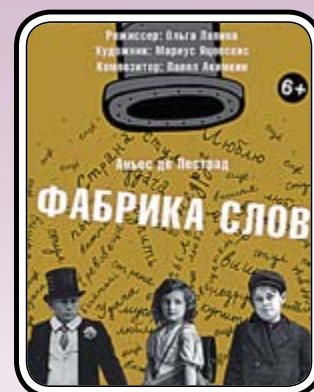
ИГРОТЕКА:
Лиса в курятнике

«Из художников-сверстников Серов ближе прочих был дружен с Константином Коровиным, талант которого он очень высоко ценил. Серов около года работал вместе с Коровиным в мастерской на Ленивке. Там, между прочим, написан им находящийся в Третьяковской галерее портрет Коровина в жилете, полулежащего на диване».

Всеволод Мамонтов

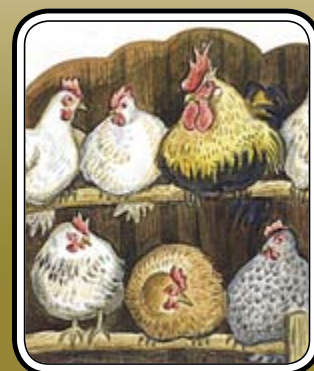
В. Серов. «Портрет художника К. А. Коровина». 1891 г.

ДРАМКРУЖОК:
Чудеса по расписанию

ИЗ БАБУШКИНОГО СУНДУКА:
Тобольская резная кость

ЖИВОЙ УГОЛОК:
Как куры спят